

"Ваня+Даша=Любовь"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

Кир Булычев

Ваня + Даша = любовь

1

Вчера вечером Григорий Сергеевич выступал в передаче «Лицом к лицу с будущим». Ее вел академик Велихов по каналу «Культура». Григорий Сергеевич выглядел очень красиво. Он у нас седовласый, подтянутый, даже стройный, несмотря на свои шестьдесят лет. Григорий Сергеевич ежедневно играет в теннис, а по воскресеньям скачет верхом. Именно для этого у нас на внешней территории держат двух коней. Порой Григория Сергеевича сопровождает доктор Блох, а иногда Лена Плошкина.

- Создание хорошей гистологической лаборатории, - говорил Григорий Сергеевич, - обойдется Академии наук в пятьдесят миллионов долларов, но у академии нет таких денег.

- Но ведь такая лаборатория относительно быстро окупится, - возразил академик Велихов. - Перспективы выращивания органов для трансплантации могут быть финансово оправданными.

- У нас немало наработок в этом направлении, можно сказать, что мы обогнали практически все лаборатории мира, но мы до сих пор ощущаем острую нехватку материала для трансплантации. Сколько страждущих больных погибает, не получив помощи и спасения из-за недофинансирования наших исследований!

- Я надеюсь, что в будущем положение изменится к лучшему, - улыбнулся похожий на Ленина академик Велихов. - Мы еще увидим небо в алмазах.

- Вашими бы устами... - ответил наш шеф.

Когда Григорий Сергеевич завершил беседу, мы, сидевшие в гостиной, не удержались от аплодисментов. И это было искренней оценкой нашего общего труда.

Мы не успели поужинать, как Григорий Сергеевич приехал со студии. Честно говоря, я даже не надеялся на это. Ведь позади остался большой трудовой день, потребовавший от Григория Сергеевича немалого напряжения.

Первым его приближение ощутил Лешенька.

- Господа, - произнес он. - Ребята! Старики! Надвигается шеф!

Тут и мы услышали шаги в коридоре и вскочили, чтобы приветствовать его.

- Я не мог уехать домой, - сказал Григорий Сергеевич, - не сказав вам спокойной ночи.

- Жаль, что кухня закрыта, - заметил Феденька. - Чайку бы попили.

- Вот такие, как вы, и нарушают дисциплину, - засмеялся Григорий Сергеевич. - Сначала чай не вовремя, а потом?

- А потом приют ограбили, - сказал я.

- Ох, умничаешь ты, Ванюша, - укорил меня Григорий Сергеевич. - Даже слово такое уже не употребляется. Где ты, прости, выкопал такое уродливое слово?

- В «Двенадцати стульях», - признался я. - Там голубые воришки растащили приют.

- Помню, помню. - Григорий Сергеевич положил мне на плечо свою сухую, жесткую и в то же время безмерно добрую ладонь. - Прости старика, запомятовал.

Он поднялся было, чтобы уйти, но спохватился и остановился в дверях. Именно так делает американский актер в бесконечном сериале про лейтенанта Коломбо. Он всегда делает вид, что уходит, удовлетворенный ложью убийцы, но в дверях обязательно замрет и обернется. И спросит: «А кстати, не ответите ли вы мне на один маленький вопрос: где вы были вчера в восемь утра и почему на вашей пижаме пятна крови?»

Григорий Сергеевич задержался в дверях и посмотрел на нас. Взгляд его был строг и печален. Взгляд отца.

Мне стало холодно внизу живота.

- Дети мои, - сказал Григорий Сергеевич, - завтра с утра плановые анализы. Потом привезут нового больного.

Дверь за профессором медленно и беззвучно затворилась.

Свет сразу потускнел, заиграла колыбельная. Щелкнул и погас экран телевизора. Пашенька, который не успел досмотреть передачу «Ольга Павлова и ее мужчины», выругался одними губами.

Мы потянулись в туалетную комнату.

Я люблю нашу туалетную комнату: это совершенство гигиены. Восемнадцать умывальников, над каждым полочка с зубной щеткой, рядом - два полотенца. Шампунь на вкус (впрочем, вкус у нас одинаковый) и мужской одеколон «Арамис».

Я подошел к моему умывальнику.

На зеркале сидела муха. Я согнал ее. Мухе не место в нашей туалетной комнате.

Я стал смотреть в зеркало.

Я люблю смотреть в зеркало, потому что, простите за искренность, мне приятен мой внешний облик. Мое лицо слегка, в меру загорело, потому что мы проводим много времени на свежем воздухе, занимаясь физическими упражнениями и трудясь на маленьком приусадебном участке. Кожа моего лица чистая, без прыщиков, глаза карие, большие, в темных ресницах, губы в меру полные, зубы - ни одной дырочки! Послезавтра будем стричься, так что волосы чуть длиннее обычного. Я отпустил небольшие усы, Григорий Сергеевич не возражает против этого. Он сторонник индивидуального выражения. Нам даже не возбраняется читать и писать стихи. Я сам в прошлом году написал стихотворение, в котором отразил свое отношение к погоде:

Вот и осень наступила,
Очень грустная пора.
Как кроссовкой наступила.
Я той осени не рад.

Доктор Блох, он еще молодой хирург, прочел мое стихотворение и выразил удовлетворение. Он

сказал, что из меня может получиться настоящий поэт. «Вы не шутите?» – спросил я доктора. И тогда доктор Блох ответил, что шутит. «У нас с тобой, – сказал он, – другой смысл в жизни».

Справа от моего умывальника умывальник Лешеньки, а слева умывальник без полотенца, раньше он был умывальником Петеньки, но с тех пор как Петенька ушел, им никто не пользуется. Доктор Блох говорит, что новый клон уже готовится на запасной базе. Но он будет завершен не раньше, чем через полгода.

Я посмотрел на Лешеньку.

- Слушай, – сказал я ему, – может, тебе отпустить бакенбарды? У меня будут усы, а у тебя – бакенбарды.

- Боишься, что тебя со мной спутают? – засмеялся Лешенька.

Я смутился, так как он попал в точку. Как объяснял доктор Блох, уровень моей сексуальности несколько превышает норму нашего клона, в этом нет ничего катастрофического, но эту особенность моей натуры следует учитывать. В конце концов каждый из нас, двенадцати оставшихся в Институте из восемнадцати первоначальных членов клона, обладает особенностями как генетическими, так и психологическими, в частности, в этом смысл нашего эксперимента. Даже тараканы не бывают одинаковыми, как-то заметил Григорий Сергеевич. А люди – не тараканы!

Лешенька, как наиболее проникательный из нас, заметил, что я проявляю знаки внимания к Леночке Плошкиной, нашей стационарной сестре. Мне хотелось поцеловать ее, мне хотелось гулять с ней вечером и дарить ей подарки. Я даже жалел, что мы лишены собственности, и потому подарков от нас ждать не приходится. К тому же Леночка привязана Володичке.

А зубную щетку Петеньки почему-то забыли убрать. Интересно, подумал я, у вещей есть память? Помнит ли та зубная щетка, как она чистила зубы Петеньке? Петенька был самым веселым из нас и хорошо запоминал анекдоты. Вот я, например, могу тысячу раз услышать анекдот, но не запомню, чтобы его вам рассказать.

- Надо убрать его зубную щетку, – сказал Лешенька, но сам ее трогать не стал.

2

Я глубоко уважаю Григория Сергеевича за его откровенность. Это ему не всегда легко дается, потому что каждый из нас для него, как он сам признавался, ближе родного ребенка.

Я не только предполагаю, но теперь знаю наверняка, что в других медицинских учреждениях и даже в других отделениях нашего Института господствуют другие нравы. Но Бог им судья!

Мы с вами мужчины и должны не только смотреть правде в лицо, но и сознавать нашу высокую цель, наше предназначение. Жертвенность всегда была свойственна русскому христианину. Если мы не спасем человека, то кто его спасет?

Тогда я сочинил такое стихотворение:

Если я помочь не буду,
Если ты помочь не станешь,
Кто беду руками скрутит,
Кто поможет и спасет?

Я его еще никому не читал.

У нас было два события. Первое – подвиг Олежки. Да, я называю это подвигом по примеру Григория Сергеевича. Он утверждает, что каждая жертва одного из нас – это своего рода подвиг. И мы заслуживаем памятников. Каждый из нас, еще при жизни.

Леша, Лешенька, ты циничен. Ну почему ты вцепился в слово «еще»? Все мы смертны, а те, кто стоит на переднем крае борьбы со смертью, должны быть всегда готовы к встрече с ней. Это судьба.

Вечером перед ужином мы собрались в розовой гостиной.

Все тут были. И наш клон, и Леночка, и доктор Блох. И, конечно же, Григорий Сергеевич. Он пришел, как и положено на проводах, в черном строгом костюме, который шил в Париже у кутюрье Вадима, и сиреневом галстуке с булавкой 2-го Меда.

Мы сами раздвинули стол и накрыли его.

Всем шампанское, кроме Олежки. Ему нельзя. Ему, говоря шуткой, завтра почти весь Урал переплывать. Это старый анекдот про Чапаева, который утонул посреди реки.

Олежка попытался улыбнуться. У него дергалось веко. Еще в прошлом году он упал и повредил себе веко. Видно, задел мышцу, которая его держит. Для наших дел это не важно, не отличает Олежку от прочих.

Он повернулся к доктору Блоху, который сидел справа от него, и шепотом попросил сделать ему еще один укол.

- Дружочек, – улыбнулся в ответ доктор, – ты же не хуже меня понимаешь, что это окажет вредное воздействие на твою печень. Она и без того перегружена лекарствами, чтобы уменьшить риск отторжения.

Доктор налил себе кофе. Мне тоже можно кофе.

- Хрен с ним, – тихо сказал Олежка, и мне было непонятно, кого он имеет в виду.

- Тогда наша жертва... – Григорий Сергеевич, конечно же, услышал этот обмен репликами. У него большие, очень белые уши, которые иногда шевелятся, как радары. – Наша жертва станет бессмысленной, а это равнозначно сапогам всмятку. Кстати, детки, кто первым вспомнит автора афоризма? Обещаю, кто вспомнит, пойдет в воскресенье в зоопарк.

Мы начали говорить и все ошибались. Лично я подумал, что это Ильф и Петров, Лешенька сказал, что Лев Толстой. Кто что читал в последнее время, тот и совал своего автора.

Вдруг Олежка сказал:

- Это Тургенев. Повесть «Отцы и дети».

- Ах, какой ты молодец! – обрадовался Григорий Сергеевич – Недаром я всегда гордился тобой и ставил тебя в пример прочим. Именно Тургенев! Стыдитесь, недоросли!

- Я пойду в воскресенье в зоопарк? – спросил Олежка. Он натянуто улыбался, словно понимал, что его слова – шутка, и в то же время немного надеялся, что Григорий Сергеевич выполнит обещание.

Его кулаки лежали на столе. Кулаки сжались сильнее, и костяшки пальцев побелели.

Вдруг Григорий Сергеевич рассердился.

- Вот этого я от тебя не ожидал! - громко сказал он. - От кого-кого, но от тебя не ожидал. В твоих словах есть посягательство на то святое, ради чего мы с вами живем и умираем.

- Простите, - сказал Олежка. - У меня вырвалось.

- У человека не вырывается то, что в нем не заложено, - отрезал Григорий Сергеевич.

- Я боюсь, - сказал Олежка.

Этого говорить не следовало. Я даже испугался. Какой стыд!

- Боря, займитесь им, - поморщился Григорий Сергеевич.

Олежка поднялся и тут же вновь обессиленно опустился на стул.

Григорий Сергеевич воскликнул:

- Предлагаю спеть. Что-нибудь старое, но приятное. Давно я не пел. Кто запеваает? Ты, Иванушка?

Я вздрогнул. Мне казалось, что меня не видно, что я здесь не существую, а наблюдаю за всеми издали, из-за стекла. А, оказывается, все смотрят на меня и ждут.

Я не мог отказаться. Я знал, что от меня требуется нечто очень бодрое. И я запел песню из очень старого кинофильма, которую любил Григорий Сергеевич и не раз напевал ее нам:

Жил отважный капитан.
Он изведал много стран,
И не раз он бороздил океан.
Раз пятнадцать он тонул
И кормил собой акул,
Но ни разу даже глазом не моргнул!

Некоторые подхватили песню, другие стали пить чай, Олежка прикрыл глаза, и веко вздрагивало.

- Как мне приятно находиться в родном коллективе, - сказал, когда мы допели куплет, Григорий Сергеевич.

Он вынул большой носовой платок и высморкался. Не потому что у него начался насморк, а от чувств, уж вы мне поверьте, я знаю этого большого и непростого человека.

- Давайте же попрощаемся с нашим товарищем, - продолжал Григорий Сергеевич. - Слова мои неточные, слишком холодные, чтобы отразить бурю горячих чувств, владеющих мной, но люди еще не выдумали адекватных выражений и точных фраз. Завтра в это время мы соберемся здесь без Олежки, без нашего знатока творчества Тургенева, без доброго, отзывчивого человека, потому что, в то время как мы будем здесь бездумно гонять чаи, он уйдет своим высоким путем, промчится среди звезд, словно настоящий метеор. Счастье свершения, высота помыслов, бескорыстие самоотдачи - все эти слова относятся к Олегу. Вставай же, сын мой, и иди на подвиг!

Голос Григория Сергеевича сорвался, и он всхлипнул.

Он уселся на свое место и шевельнул пальцами, приглашая других занять его место на воображаемой трибуне.

- Сейчас, - быстро, задыхаясь, затараторила глупая Леночка, наша стационарная сестра, - один человек ждет решения судьбы. Это великий человек, дорогой всему обществу и нам всем вместе! Этот человек - маршал авиации, защитник рубежей нашей отчизны. Если Олежка не придет к нему на помощь, часы его сочтены, а это значит, что в наших границах начнет зиять. И эти самые поползут к нам со всех сторон... Нет, я не могу, я просто не могу!

- Садись, - сказал Леночке Володичка.

Сам он не может вставать, у него кресло, в которое точно вписывается его торс. Он любит Леночку и хочет на ней жениться, но Григорий Сергеевич честно при всех признался, что перспективы Володи пессимистичны. Медицина бессильна его спасти. Но он должен держаться, потому что у него остался мозг, у него осталось хоть и травмированное, но работоспособное сердце.

Леночка присела рядом с Володей. Она называет себя его невестой. Они делают вид, что вскоре сочетаются узами брака, но не верят в это. Никто не смеется, кроме Лешеньки. Лешенька меня раздражает. Иногда я готов ему голову проломить, хотя вы понимаете, насколько у нас строга внутренняя дисциплина! Ведь искалечить одного из нас означает нанести неизгладимый урон всему клону, всему Институту, а может быть, и всему человечеству!

Кто мы?

Мы - скорая помощь.

Когда ничто уже не поможет избранным, чьи портреты висят в коридоре нашего отделения, когда черная дыра подбирается к земной цивилизации, - выходим вперед мы, как паладины в белых одеждах праведников. И своей жизнью закрываем отверстие в плотине.

Простите, что я говорю красиво. Обстоятельства требуют высокого слога.

- Пора, - сказал доктор Блох. Он был лечащим врачом Олежки. На время подготовки к подвигу.

- Ты завидуешь? - спросил меня Федечка.

- Он спешит заменить Олега на боевом посту, - сказал Лешенька.

- Не говори глупостей, - сказал я.

Олежка поднялся, и тут ноги изменили ему. Мне стало стыдно за брата. Нельзя, ни на секунду нельзя терять контроль над собой.

И тут Григорий Сергеевич громко запел:

Жил отважный капитан,
Очень красный, как банан,
Он не раз пересекал океан!

И мы подхватили песенку, нелепую, милую, добрую песенку.

Я подбежал к Олежке и держал его справа. А слева шел доктор Блох.

- Давай, братишка, - сказал я. - Мы все смотрим на тебя!

Олежка сопротивлялся, но не отчаянно, а как будто по обязанности. Мы вели его так, как приятели тащат из кабака подвыпившего посетителя. И с каждым шагом Олежка делал все меньше усилий, чтобы наступить на пол, и в конце концов обвис на наших руках.

- Да скорее же! - закричал Григорий Сергеевич. - Отключите его!

Я вздрогнул и отпустил Олежку.

Блох не удержал его, и Олежка свалился на пол, а Блох сверху на него. Я отпрыгнул в сторону, и тогда Григорий Сергеевич с Леной поспешили на помощь молодому врачу.

Они потащили Олежку к двери.

Именно потащили, держа под мышки и за голову.

Мне было стыдно. И за Олежку, который настолько потерял себя, и, конечно же, за себя самого. Не знаю, почему мой мозг воспринял крик доктора «отключите его» как относящийся ко мне. Ведь я знал, что мне пока ничего не угрожает... ах, какое неправильное выражение: мне не угрожает!

Откуда могло возникнуть слово «угроза»? Какой стыд!

Я поднялся с пола и сказал:

- Простите, я споткнулся.

Но никто меня не слушал.

Некоторые вернулись к столу и стали доедать печенье и конфеты. И не было рядом врачей, чтобы остановить этот пир, могущий повредить обмену веществ.

Я тоже подошел к столу и уселся на свое место.

- Претендуешь на медаль? - спросил Лешенька.

- Я ни на что не претендую, но делаю то, что подсказывает мне совесть.

Врачи не возвращались. Впрочем, им не нужно было возвращаться. Они заняты.

В помещении постепенно наступила вечерняя тишина и покой. Это не означает, что никто не думал об Олежке. Конечно, думали и даже переживали.

Когда Лешенька предложил мне сыграть в шахматы, я сел напротив него, но продолжал думать, почему же Олежка проявил такую душевную слабость? Я не ожидал от него.

Лешенька сделал первый ход, я, не думая, ответил. Мы разыграли индийское начало, потом Лешенька задумался. И я задумался.

Я думал дольше, потому что меня вернул к действительности голос Лешеньки:

- Может, пойдем спать?

- Сейчас.

Почему-то с потолка стал сыпать мелкий дождик - слишком велика была конденсация пара в гостиной. Григорий Сергеевич как-то предупреждал об этом, но я забыл физическое объяснение явления.

Володичка подъехал к нам на коляске и сказал:

- У тебя конь под боем.

- Извини. - Я убрал коня, а Лешенька сказал:

- Ход сделан.

- Но это же товарищеская партия, - возразил я.

- С каждым днем все меньше товарищей, - заметил Володичка.

- И если мы будем такими же баранами, как Олег, скоро не останется совсем.

- А что ты предлагаешь? - спросил Володичка.

- Тебе уже поздно, ты списанный элемент, - сказал Лешенька.

- Не так все просто. Мне Блох гарантировал, что они регенерируют ноги.

- Скорее, из твоих ног кому-то сделают костыли, - уточнил Лешенька.

- Иногда ты меня раздражаешь, - сказал я.

- Кто-то должен раздражать баранов, хотя они все равно пойдут на бойню.

- Лешенька, в такой день! - возмутился я. - Мне за тебя стыдно.

- А чем этот день хуже любого другого? - спросил Лешенька. - Может, именно сегодня и надо говорить друг другу правду.

- Что ты имеешь в виду под правдой? - Это был голос Вадимчика. Хотя мы отличаемся друг от друга, голоса у всех схожие. По телефону я не смог бы различить. Но когда мы в комнате, рядом, то я с закрытыми глазами скажу, Венечка это или Олежка.

- На бойне есть должность барана, который ведет за собой стадо. Он говорит коровам и овцам: «Я здесь давно живу. Там, за углом, есть неплохое зеленое поле с нежной травой. Построимся, дорогие друзья, и в путь!»

- При чем тут Олег? - спросил Володичка.

- Ни при чем. Но еще полгода назад нас было восемнадцать человек. Сейчас - двенадцать с половиной. Завтра будет на одного меньше. Через год на наших мягких койках будут спать другие люди, другой клон. А сколько их было до нас?

- Мы пионеры испытаний, - отрезал я. - Мы - первые.

- А тебя никогда не удивляло, что в коридоре есть галерея спасенных за наш счет и в ней по крайней мере три десятка знаменитостей? Как их могли спасти шесть или семь членов нашего клона?

Каждому из нас приходится переживать минуты сомнений и даже страха. И единственное, что удерживает нас на уровне чистых и высоких помыслами юношей, это уверенность в правильности нашего пути, это понимание истинности нашего дела.

Вот это я и сказал моим одноклеточным братьям. И знал, что большинство разделяет мою точку зрения. Но не Лешенька. Проклятый Лешенька!

- Баран - патриот идеи все равно остается бараном, - сказал Лешенька. - И его мясо не становится жестче.

- Как ты смеешь говорить эти слова, когда наш товарищ и брат в нескольких метрах отсюда сосредоточенно готовится к завтрашнему подвигу!

- Ты называешь это подвигом?

- Я тебя убью! - вскочил я.

- А тебя убьют без моей помощи, - сказал Лешенька. - Тебя не спросят даже, хочешь ли ты жить. Хочешь ли ты жениться, иметь детей...

- Это наш долг! - закричал я.

- Кто тебе это сказал? - спросил Лешенька. Он криво усмехался. Мы все так усмехаемся, когда хотим обидеть, разозлить недруга.

- Это сказал... это сказал мой учитель, Григорий Сергеевич.

- И знаешь ли ты, сколько он получает за каждый наш жертвенный подвиг? Ты задумывался об этом?

Если бы не тот вечер, не прощание с Олежкой, которого только что увели навсегда, я бы никогда не кинулся на своего близнеца. Я любил Лешеньку, даже если он заблуждался. Но не смейте отбирать у меня цель жизни. Человек без цели становится куском навоза в проруби. Недаром Григорий Сергеевич часто приводил нам примеры из истории Советского Союза, и в первую очередь Великой Отечественной войны. Она доказала, что в жизни всегда найдется место подвигу. Григорий Сергеевич как-то сказал нам в душевной беседе: «Я хотел бы, чтобы наш Институт назвали учреждением имени Александра Матросова, который закрыл своей грудью амбразуру, то есть отверстие, сквозь которое вел огонь вражеский пулемет».

- Не смей врать! - кричал я, наскакывая на брата. - Не смей клеветать на моего кумира!

Лешенька, отбиваясь от меня, гнул свое:

- Кумир останется жив и заведет других идиотов, как ты!

- Мне не важно, что случится со мной, я хочу, чтобы продолжался прогресс и во главе прогресса стоял бы наш Григорий Сергеевич.

Я даже понимал, что слова мои звучат по крайней мере наивно, и мне было неприятно слышать смешки тех, кто растаскивал нас с Лешенькой.

И тут в комнату ворвался доктор Блох.

- Что за шум? - крикнул он от дверей.

Он не вошел в комнату.

У меня создается впечатление, что он нас порой побаивается. Как будто входит в клетку с дрессированными хищниками.

В тот момент нас уже растащили, и мы по инерции размахивали руками, словно дрались с невидимыми противниками.

- Что за шум? - повторил Блох нарочито громко и весело. Натужно спросил, даже голос в конце фразы сорвался. - Что за шум, а драка есть?

- Ничего не случилось, - первым отозвался Володичка. - Шахматный спор.

- Как не похоже на вас, - сказал Блох. - Такие выдержанные люди, гордость нашего общежития.

- Шахматы... шахматный... пустяки... - галдели остальные.

- Не хотите говорить, не надо, - сказал Блох. - Тогда попрошу расходиться по спальням.

Спальнями у нас называются палаты, чтобы все было, как на воле.

В каждой по четыре койки. И больше ничего - что делать в спальнях? Только спать. Правда, некоторые держат журналы или карты для пасьянса.

У нас в спальне одна койка пустует. Уже второй месяц. Но Мишенька спал не с нами.

Мы улеглись, свет погас, но если я хочу, могу включить настольную лампочку, на полчаса, не больше, чтобы не повредить глазам.

Мои соседи - Барбосы, так у нас шутливо называют Бориса с Глебом - что-то задерживались. Они сегодня вообще с утра были молчаливы, может, потому что дружили с Олегом.

Только я вытянулся на кровати, лежа на спине и сложив руки на груди - это оптимальный способ отдыха, - как в спальню кто-то вошел. То есть я с самого начала догадался, что это Григорий Сергеевич. Пришел пожелать нам приятных снов.

- Где Барбосы? - спросил он.

- Куда они денутся, - сказал я. - Возникнут.

- Лешенька тебя достал, - сказал доктор и уселся на край моей кровати, в ногах. - Он меня тоже тревожит.

- А чем он тревожит? - спросил я.

- С тобой я могу быть откровенным, - сказал мой доктор. - Меня тревожит ситуация в группе. Я понимаю, этому есть объективные причины, усталость, потери в личном составе. Но мне кажется, что кто-то один из вас ведет направленную работу по разрушению замечательного духа единства и взаимовыручки, так свойственных нашему коллективу.

У Григория Сергеевича чудесный голос, не то чтобы низкий, но вельветовый, ему надо бы стать папой римским. Смешная мысль? Но я ее придумал всерьез. И постеснялся произнести вслух.

- Ты понимаешь, как мы дороги человечеству? И если кто-то подставит нам подножку, поставит под сомнение благородство наших начинаний... ах, если бы ты знал, как хрупка правда будущего!

В полутьме спальни его глаза излучали странный, добрый свет.

- У меня есть ощущение, что не выдержали нервы у Лешеньки. Чудесный молодой человек, твой брат и мой сын - а вот может стать для нас смертельной угрозой. А что, если он побежит к моим врагам? Ты же представляешь, сколько у меня врагов?

- Нет, нет, он не побежит! - вырвалось у меня.

- Но ведь он обвиняет меня в корыстолюбии?

- Нет!

- Иван, ты лжешь! - Он редко называл нас грубой формой имени. Он не хотел нас обижать. Он считал, что имя, данное твоей кормящей матерью, должно сохраниться на всю жизнь. Хотя, как вы понимаете, ни у кого из нас не было кормящей матери.

- Он мой брат.

- Я ему дурного не сделаю, но я обязан знать правду! Я не могу быть неосведомленным, когда от моих решений зависит и ваша жизнь, и жизнь дорогих для нас людей! А ведь он не хочет сознаться и этим бросает тень на тебя и других невинных. Так что он сказал?

Я честно молчал, я не хотел Лешеньке зла. Но добрые чувства, которые так настойчиво вызывал во мне Григорий Сергеевич, отомкнули мне уста!

- Кстати, - заметил Григорий Сергеевич, понизив голос, - мне не хотелось тебе говорить об этом, но Лешенька позволяет себе нелестно отзываться о тебе. В обществе нашей Леночки он называл тебя грязным козликом. Разумеется... - Григорий Сергеевич достал носовой платок и грустно высморкался. Именно грустно. Мне стало его жалко. - Разумеется, мне не следовало об этом говорить, но мы должны жить с открытыми глазами. И еще неизвестно, что страшнее для личности: физическая смерть или предательство друга.

- А что! - вдруг услышал я свой голос. - Это на него похоже. Он и про вас говорил, что вы наживаетесь на нашей смерти, что вам процент платят.

Я спохватился, я замолчал, но плохое уже было сделано.

Я ведь уподобился Лешеньке. Чем я теперь лучше него?

- И многие слышали? - спросил доктор.

- Почти все были, - признался я.

Григорий Сергеевич поднялся и подошел к окну. Его обычно прямая спина ссутулилась. Плечи опустились.

- Я подавлен, - сказал он, глядя в темноту окна. - Мне горько. Я думаю о тщетности моих дел.

- Не расстраивайтесь, - произнес я. - Это случайность. Он так не думает. Он в принципе неплохой.

- Вы все неплохие, - отрезал Григорий Сергеевич, - но никто, включая тебя, не пришел ко мне и не сказал честно и открыто: один из нас предал тебя, учитель, за тридцать сребреников.

- А кто ему даст тридцать сребреников? - спросил я.

- Желаящие вонзить кинжал в мою спину всегда найдутся.

- Нет, он неподкупный.

- Неподкупных, мой друг, не бывает.

- Только не наказывайте его!

- Я не имею морального права наказывать кого бы то ни было. Даже если этот человек поставил под угрозу само существование нашего дела, я постараюсь пересилить себя... Ах, как сладка месть!

Он не притворялся! Моему богу, моему наставнику, хозяину моей жизни хотелось отомстить одному из бессильных созданий его разума!

- Нет! - Он резко обернулся ко мне. - Нет!

И ничего не успел сказать, потому что сначала донесся страшный, нечеловеческий, утробный крик - что за животное закричало там, за залом? И почти сразу загрохотали шаги, дверь распахнулась, и в комнату влетели Барбосы - мои соседи.

Как влетели, так и замерли посреди комнаты.

Не ожидали увидеть здесь доктора.

Доктор спросил:

- Что произошло?

Крик за дверью оборвался.

- Мы не хотели, - сказал Рыжий Барбос.

- Чего вы не хотели, черт побери?!

- Мы только заглянули в бокс, чтобы попрощаться...

- А Олежка нас увидел и стал рваться, - сказал Черный Барбос.

- Мы побежали, а он чуть не выскочил - а когда его стали обратно класть, он закричал... но мы же не хотели!

- Понял, - коротко сказал доктор. Он вышел из комнаты.

Хоть я и был подавлен нашей беседой с доктором, у меня нашлись силы спросить этих балбесов, что ими двигало, когда они решили отправиться в «чистилище»? Ведь нельзя же!

Все термины условны, как человеческие клички. Порой и не догадаешься, откуда термин возник и давно ли живет на Земле.

«Чистилищем» называли бокс, в котором герой, идущий на подвиг, проводил последние сутки или ночь. Он подвергается там полной дезинфекции и обработке седативными и иными средствами, переводящими его мозг в область грез.

Что-то не сработало. Может быть, именно появление Барбосов – ну что их потащило в «чистилище» на ночь глядя? Ну попрощались мы уже с Олежкой, даже не стали повторять высоких слов. Олежке было сказано открытым текстом, что завтра в восемь утра его здоровая молодая печень будет изъята из тела и пересажена страдающему циррозом и неизлечимо больному маршалу Параскудейкину, командующему Ракетными войсками особого назначения, знающему столько государственных тайн, что ему просто невозможно умереть. Родина этого не переживет. Впрочем, и возразить тут нечего. Кто не знает этого орлиного профиля! Кто не взлетал вместе с ним на первом реактивном самолете? Кто вывез из Ленинграда на Большую землю восемьдесят детей в горящем бомбардировщике? Все он – Александр Акимович! Санитарка тетя Оксана говорила мне, что у них в классе висел портрет Параскудейкина. Покрышкина, Чкалова, Леваневского и его. Потом Леваневского поменяли на Каманина. Потому что Леваневский вроде бы рванул в Штаты. Но это говорила санитарка, обыкновенная женщина, без допуска.

Скажу честно – если бы мне предложили занять место Олежки, я бы сделал это с восторгом. Я хочу пролететь подобно метеору и оставить свой след на Земле.

Олежка страшно закричал.

Барбосы кинулись обратно в спальный блок.

Григорий Сергеевич был глубоко оскорблен поведением Лешеньки, а также поведением всех нас, которые слышали речи Лешеньки, не оборвали его и не доложили о них медикам. Это предательство! И я тоже предатель.

- Мы его видели, – сказал Рыжий Барбос. – И он нас видел. И как закричит!
- Он нам кричал: возьмите меня отсюда, я боюсь, я хочу жить!
- Сейчас он уже спит, – сказал я. – Сейчас ему хорошо.
- А может, они в самом деле за нас деньги получают? – спросил Черный Барбос.
- Помолчи! – огрызнулся я. – Хватит с нас Лешки!
- Жалко Олежку, – сказал Рыжий Барбос.

А я подумал, что Лешенька должен бы зайти. Он всегда заходит перед сном, глупая улыбка во всю физиономию, шахматная доска под мышкой – и сразу: «Иван, даю тебе фору. Ферзя или ладью?»

В конце концов, ничего особенного не произошло.

Я ни в чем не виноват.

Может ли чувствовать себя виноватым человек, который выполнил свой долг? Разоблачил

предателя в наших рядах...

Почему же мне так неловко и хочется куда-то бежать, остановить несправедливость?

Я поднялся и сказал Барбосам:

- Сидите и никуда не ходите. И так несладко.

Я вышел в коридор. Свет горел в полную силу, хотя давно пора бы его потушить.

В спальнях тоже слышны голоса. Но свет погашен.

Я пошел по коридору к ординаторской. Там наши доктора обычно чаевничают и болтают по вечерам, когда мы уже уgomонимся.

Мне надо было увидеть Григория Сергеевича, пока он не ушел домой. Мне надо было объяснить ему, упросить его забыть мои глупые слова. И не сердиться на Лешеньку.

Ординаторская была пуста.

Врачей я нашел в перевязочной. Или малой операционной - называй как хочешь. Каждому из нас пришлось провести здесь немало часов. Потому что наши тела должны быть безукоризненны! Мы - надежда Земли.

Там был и Лешенька.

Он полулежал в смотровом кресле, глаза прикрыты, вялый, из уголка рта течет слюна.

Руки прикованы к подлокотникам кресла.

Но говорил спокойно, разумно, словно по своей воле.

- Нас не интересуют твои мысли, - сказал доктор Григорий Сергеевич. - Я скажу тебе откровенно - важнее понять, насколько их разделяют твои братья.

- Мы мыслим почти одинаково, - сказал Лешенька, не раскрывая глаз.

- Вот это неправда, - сказал доктор. - Ложь. Мы поймали тебя по доносу твоего брата.

- Иван все же не выдержал! - В голосе прозвучала усмешка, но на лице она не отразилась. - Он влюбчив, он избрал вас отцом, как котенок избирает себе хозяина. Мы же все разные.

- Мне лучше знать, насколько вы разные. Но я был убежден: именно моя политика откровенности и сплачивает нас в общем деле.

- Ах, оставьте, доктор! - возразил Лешенька. - Никакого общего дела не существует. Есть ваша корысть, есть ложь, ложь и еще раз ложь!

- Алексей, - предупредил Григорий Сергеевич, - остановись, иначе я буду вынужден принять меры.

- А вы их и так примете, - парировал Лешенька. - Потому что вы меня боитесь. Ведь для всего клона я - его член. И с каждой новой смертью доверие к вам съезживается, как шагреновая кожа...

- Ты не мог этого читать! - вдруг завопил, буквально завопил Блох.

- По телевизору смотрел, - признался Лешенька.

На этот раз он говорил неправду. Я знал, откуда у него эта книга. Ее нам санитарка принесла. Ничего в ней такого не было, но почему-то она была запрещена. Может быть, они боялись, что мы ощутим сходство судьбы того человека и нашего клона.

- Не хотите такого сравнения, - сказал Лешенька, - сравните нас с подводной лодкой «Наутилус».

- Почему? - спросил Блох. Он не понял.

- Потому что там становилось все меньше матросов, пока не остался один капитан Немо.

- Остроумно, - заметил Григорий Сергеевич. - Очень остроумно. Меня сейчас интересует еще один вопрос: с чего ты решил, что мы зарабатываем деньги на вашей судьбе?

- Я в этом уверен.

- Но почему?

- Все великие шпионы пробалтываются...

Григорий Сергеевич обратился к сестре Леночке:

- Пройди по спальням, погляди, хорошо ли они спят?

- Сейчас, - отозвалась Лена и осталась на месте. Ей куда интереснее было послушать бунтаря.

А Лешеньку стоило послушать. Я сам слушал его с интересом.

- Я подозреваю, что ваш проект с самого начала был коммерческим.

- Чепуха, чепуха, чепуха! - Доктор Блох легко возбуждался. - Где вы найдете деньги на такой проект? Только государство может поднять наш Институт.

- Государство, - парировал Лешенька, - это скопище людей, заинтересованных в сохранении определенного порядка вещей.

- Мы вырастили философа!

Как будто радостная фраза, но при этом Григорий Сергеевич так развел руками и склонил вбок голову, что ясно стало - обошлись бы мы без философов.

- Я не знаю, сколько у вас таких клонов, как наш, - сказал Лешенька, - но думаю, что не один.

- Всего три, - ответил Григорий Сергеевич. - Два мужских и один женский.

- Не важно, - сказал Лешенька. - Главное, что вы - убийцы.

- Вот это перебор! - крикнул Блох.

- Вы же создали клон, вы нас вытащили в двадцатилетнюю жизнь, но не для того, чтобы научить и помочь человечеству... хотя бы солдатами! Нет, вам нужны идеальные трупы.

- Лена, - сказал Григорий Сергеевич, - я же велел тебе пройти по спальням. Я не хочу, чтобы какой-нибудь любопытный идиот подслушал нас.

А я находился в каком-то ступоре. Я понимал, что Лена сейчас выйдет в коридор и увидит меня. Понимал, но не двигался с места, так как эта угроза меня не касалась.

И когда Лена вышла в коридор, я шагнул в сторону, чтобы уступить ей дорогу.

- Иван? - удивилась она. - Ты что здесь делаешь?

- Сейчас уйду, - ответил я.

- Надеюсь, - сказала Лена. - Беги быстрее. Ты ничего не слышал.

- Это я на него сказал, - сообщил я.

- Доносчиком больше, доносчиком меньше, - сказала Леночка, круглолицая худышка с широкими бедрами, в туфлях на каблуках. - Вы все тут такие, мотыльки.

- Почему мотыльки? - вдруг обиделся я.

- Потому что дунет погода - и нет вас. А ну, беги!

Нельзя в больнице ходить на каблуках, но сестры, у которых хорошая фигура, носили туфли на каблуках.

Она отнеслась к моему покаянию равнодушно, будто знала. Но слово «доносчик» - обидное слово, я не думал раньше, что мне будет так неприятно его услышать. Тем более что я не был виноват.

Доносчик - это тот, кто сам несет сообщение начальнику. А из меня признание вытащил Григорий Сергеевич, вытащил, словно клещами.

- Иди, иди, - сказала Лена, - а я покурю.

- Я возмущен клеветой на Григория Сергеевича, - сказал я.

- Ну и слава богу. Есть еще мушкетеры в нашем королевстве. Иди, ягненок.

- Почему ягненок?

- На меня тебе донести не удастся, - вдруг засмеялась Лена. А один зуб у нее был золотой. Это очень некрасиво. - Я с тобой даже не разговариваю.

Я ушел. Я не выношу, когда меня оскорбляют. Но в самом деле - не побежишь же жаловаться заведующему отделением на обслуживающий персонал!

Барбосы уже спали. Они свое пережили, поволновались, а теперь будут спать.

3

Утром, за завтраком меня ждала неожиданность.

Мы сидели за длинным столом, санитарка Оксана проходила за спинами и наливала каждому в

чашку какао с молоком. Лешеньки не было.

В этот момент вошел доктор Григорий Сергеевич. Он был обыкновенный.

Рядом с ним шел Олежка. Сонный, не совсем адекватный, но ступал своими ногами.

Он сел на свое место рядом со слепым Кузьмой.

Теперь за столом не хватало только Лешеньки.

Сестра Лена подошла к пустому месту Лешеньки, взяла его тарелку и ложку, блюдо с булочкой и перенесла к Олежке. Ведь у Олежки не было прибора – он не должен был приходить.

- А где Лешка? – спросил я шепотом у Володички. Они же в одной спальне.

- Не приходил, – сказал Володичка.

Тут подал голос Григорий Сергеевич. Он прихлебывал какао и говорил:

- Судя по вашим вопросительным взорам, вас смущает отсутствие Лешеньки и присутствие Олежки. Я прав?

В ответ послышался легкий гул согласия.

- Случилась медицинская ошибка. Прискорбная, но порой неизбежная. В последний момент при подготовке Олега к операции выяснилась элементарная биологическая несовместимость его печени по трем параметрам. Вина за это полностью лежит на лаборатории. Когда мы узнали об этой неприятности... – Григорий Сергеевич смотрел каждому в глаза, будто стреляя в нас доверием. И мы тоже старались доверять. – Мы были в растерянности. Нам следовало разбудить вас и заняться выбором... Но, на счастье, мы как раз проводили организационную беседу с Лешенькой. Узнав о нашей беде, Лешенька тут же, без колебаний, предложил заменить собой Олежку. Благо, его печень отличается полным здоровьем и по всем параметрам подходит для пересадки. Лешенька ушел в операционную! Вот так...

Григорий Сергеевич допил какао, медленно поставил чашку и вытер губы салфеткой, прислушиваясь к тишине за столом.

Наши мысли были спутаны.

Мы не могли возразить.

Мы понимали, что доктора руководствовались высшими соображениями.

Но почему нам не сказали перед операцией? Ведь никогда прежде ни один из нас не уходил туда, не попрощавшись с товарищами.

Я должен был сказать об этом, но не сказал, потому что был единственный, кто знал, о чем беседовал Лешенька с докторами вчера вечером.

Вернее, я хотел сказать, но встретил внезапно рванувшийся ко мне взгляд главного врача.

И понял, что ничего не скажу.

Барбос Рыжий закричал:

- Ну, Олег, тебе повезло!

- Да? - Олежка еще не все понимал.

- Кому-то повезет, а кому-то нет, - заключил Володичка. - Странно все это.

- Володя! - окликнула его Леночка. - Ешь, пожалуйста, тебе надо хорошо питаться.

Дальше мы продолжали есть, хотя настроение было плохое, лучше бы все шло по-старому и ушел бы Олежка, все равно он уже почти смирился с этим. А теперь ушел Леша. Но виноват ли в этом я?

До Леши подвиги совершили шесть человек. Шесть моих близнецов.

Но только сегодня произошло нечто вроде возмущения. Я-то думаю, что в самом деле каждый из уходивших героев оставлял в нас жалость и страх. Даже если все проходило без сучка, без задоринки, это было похоже на русскую рулетку, а я смотрел про нее в американском фильме про Вьетнам. Он называется «Охотник на оленей», правильно? Там герои крутят барабан револьвера, в котором есть одна пуля. И приставляют дуло к виску. Шансы один к шести. Очень страшно.

Раз выстрелил, остался жив. Надо стрелять снова.

И думаешь: наверное, мои шансы уменьшились? И с каждым разом приближается моя смерть.

Нет, не подумайте, что я трус и оппортунист, но я стараюсь понять, что же с нами происходило? Есть такая штука - подсознание. Не слышали? Я хочу быть хорошим и смелым, а внутри мозга, я даже не знаю где, живет страх. Это не я, а он боится выстрела.

Я не знаю, понимает ли это доктор Григорий Сергеевич, но не могу у него спросить, несмотря на все уважение к этому великому человеку. Он решит, что я просто струсил. Но я не струсил, я знаю, что двжусь к подвигу, и мне хочется совершить подвиг, клянусь вам, мне хочется погибнуть ради жизни на Земле!

Хочется ли?

Вчера еще хотелось, но сегодня мысли мои сдвинулись, как будто под гнетом.

- Сегодня обычные занятия, - сказал доктор. - Каждый солдат знает свой артикул! - Он засмеялся и тут же оборвал свой смех.

А я подумал, что у него пронзительный смех, как будто ему совсем не смешно. Впрочем, ему, наверное, сегодня не смешно.

- Вечером, - сказал Григорий Сергеевич, - у нас будет небольшой бал. Я давно обещал познакомить вас с нашими соседями... вернее, соседками. Хватит жить анахоретами.

Это, конечно же, нас заинтересовало. Еще бы - в первый раз!

- А таблетки отмените? - спросил Рыжий Барбос.

Все засмеялись. На этот раз искренне. Ведь нам каждый вечер дают таблетки - это не секрет,

потому что Григорий Сергеевич – сторонник простоты и искренности в отношениях. Он говорил нам, что сиреневые таблетки призваны понизить нашу сексуальную активность. Это делается для нашего блага, чтобы мы не мучились от недостатка слабого пола. Он показывал нам на кинопримерах и на литературных цитатах, к чему приводит желание обладать женщиной. Его слова не всегда действовали на нас, но мы понимали: в них есть смысл. Я даже знаю, что Пашенька долгое время старался обманывать доктора и выплевывал таблетки. Но потом при уборке койки на ней обнаружили следы этого... и ему пришлось признаться и выслушать выговор.

- Таблетки останутся, – улыбнулся доктор. – Потому что иначе вы начнете тискать девушек и можете их обидеть. Вы ведь этого не хотите?

- Нет, не хотим, – сказал я.

- Девушки придут к нам в гости после обеда, вы им все покажете – и спортивный зал, и классы, – потом будет маленький концерт совместной самодеятельности.

- Пошли, пошли! – весело подгоняла нас Леночка. Мы поднялись из-за стола. Доктор сказал вслед:

- Чтобы быть в форме!

Володя, который ехал позади всех в своем кресле, спросил:

- А Леша не вернется... с нами попрощаться?

- Нет, – сказал Григорий Сергеевич. – Я знаю, что так не принято, но обстоятельства сложились слишком строго. Если бы Алексей не вызвался добровольцем, скончался бы великий человек, гордость Российской Федерации.

В коридоре я приблизился к Олежке, но он не стал разговаривать. Я понимал, ему тяжело. Каждый из нас стремится к идеалу, но не каждому это дано.

Я обогнал его и услышал, как Володичка сказал Олежке:

- Не обольщайся, это только отсрочка.

- Отстань, – сказал Олег.

И правильно сделал.

Он и без Володиной подсказки знал, что это только отсрочка, но надеялся, что его физиологические недостатки не так уж велики. Что пройдет время, его подлечат, и он снова будет готов к подвигу.

Наш клон был выведен именно с этой высокой целью: быть готовыми пожертвовать своими органами, молодыми и здоровыми, ради спасения лучших людей государства. Это наша цель в жизни, это наша радость!

Почему я уговариваю себя, как на воспитательной беседе, проводимой доктором Блохом? Я в чем-то не уверен?

Я знаю, что тому виной – разочарование в моих братьях. Ушел Лешенька, но Володя явно метит на его место – на место брюзги и пессимиста.

А ведь он может плохо кончить!

Я вздрогнул. Чего я желаю своему брату? Ведь нас с каждым днем становится все меньше. Неужели Володя не принес уже своей жертвы? Если бы не здоровое сердце, которое кому-то скоро понадобится, он бы умер...

Смерть.

А почему моя смерть менее важна, чем смерть маршала авиации?

Я прикусил язык.

Барбосы толкнули меня, обгоняя.

- Это правда? - спросил Рыжий.

- Нет, - ответил я, хотя не знал, о чем он хочет меня спросить.

4

Мы встретили наших гостей в розовой гостиной.

Марик играл на пианино. Под потолком висела гирлянда лампочек, оставшаяся с Нового года.

Девушек было десять.

Они были русыми, голубоглазыми, ростом почти такими же, как мы, но худенькими. Блох заранее сказал нам, что их физиологический возраст - восемнадцать лет, на два года моложе нас.

Одеты они были по-разному, но вкусы у девушек были схожими, поэтому, даже не глядя на лица, а только на одежду, можно было догадаться, что они сестры или хотя бы близкие подруги.

С ними пришли два доктора и ассистент. Один доктор был мужчиной, а второй - женщиной. Ассистент тоже был женщиной, но некрасивой и сутулой, чего не скажешь о женщине-докторе.

Ее звали Марией Тихоновной, и в ней была особенная материнская стать и готовые утешить материнские глаза цвета шоколада со сливками.

Девушки чувствовали это обаяние и особенно в первые минуты теснились вокруг своего главного врача (Мария Тихоновна была главным врачом женского отделения и ведала клоном).

Но все равно наш Григорий Сергеевич был главнее. И не только потому, что он доктор наук и всемирный авторитет, но и внешне. У Марии Тихоновны было обаяние, а наш доктор был вождем. Такие люди становятся вождями с того момента, когда входят в помещение.

Сначала мы стояли, как бы две армии на поле боя, но потом ассистент их клона, ее звали Раисой, стала представлять девушек. Мария Тихоновна посмотрела на нас, а потом они уселись в сторонке с Григорием Сергеевичем и принялись беседовать на свои темы.

А со мной случилось происшествие.

Я увидел девушку, которая отличалась от своих близняшек лишь более светлой блузкой и прической. Вернее, все были завиты или изобразили прическу, а та девушка зачесала волосы назад и получился короткий хвостик. Волосы у нее были такими мягкими, что мне захотелось их погладить, как гладят котенка.

Это было, как в сказке, которую я сохранил в генетической памяти: принцу в ней следует выбрать невесту из строя одинаковых красавиц – клона первобытных времен.

И красавица помогает ему. Делает знак...

Моя красавица никакого знака мне не сделала. Посмотрела, а потом стала рассматривать корешки видеокассет на полке – у нас неплохая коллекция.

Рыжий Барбос подошел к ней и заговорил. Я не слышал, о чем он говорит, но сразу расстроился. Почему не подошел я?

А он взял ее за локоть!

Вы бы знали, как я его невзлюбил!

Странно теперь думать – ведь прошло десять минут после появления женского клона в нашей гостиной. Всего десять минут. Не может же человек влюбиться с такой скоростью!

Но что-то со мной случилось.

Именно одна красавица из строя невест вызвала во мне судороги сердца. А остальные были просто девушками.

- Не стесняйся, – сказал Григорий Сергеевич, который незаметно подошел ко мне. – Ты заслужил эту награду.

- Какую награду?

- Внимание этой девушки. Я хотел бы, чтобы у вас возникли личные отношения. Более того, как твой наблюдающий врач заявляю: сексуальный контакт мне интересен и даже желателен.

- Ну что вы говорите! – Честное слово, я смутился.

- И больше никаких таблеток!

Мне захотелось уйти, и я даже сделал движение к выходу, но доктор крепко взял меня за рукав и также вполголоса добавил:

- Учти, мой мальчик, в женском отделении Мария Тихоновна придерживается русской врачебной этики. То есть тяжелый или терминальный пациент не должен подозревать о серьезности заболевания. Принимаются все меры к тому, чтобы пациент оставался в хорошем настроении и убеждении, что дело идет на поправку.

- Но ведь они и так здоровы, – удивился я.

- Они, эти девушки, не подозревают о том, что их цель – подвиг во имя человечества. Что их жизнь относительно коротка, что они – благородные доноры на благо цивилизации.

- А что же они думают?

- Что это Институт, в котором их клон находится под наблюдением. Вскоре будут выведены другие клоны для улучшения природы человека. А девушки выйдут замуж, родят детей и так далее...

- Надо немедленно сказать правду! - заявил я.

- Остановись, безумный! - горько улыбнулся Григорий Сергеевич. - Представь себе, что ты обрушишь на хорошенькую головку этого ребенка страшную для непосвященного информацию. Ведь даже такие стойкие и закаленные герои, как ты, порой подвергают сомнению свое предназначение...

- А где Лешенька? - спросил я.

- Его спасти не удалось, - ответил Григорий Сергеевич.

- Но это не из-за...

- И не думай, - перебил меня доктор. - Не мучай себя понапрасну. Лешенька в самом деле оказался сильнее и мудрее, чем я о нем думал. Его раздражительность была особого свойства - он был готов к подвигу и смущен отсрочкой... Когда-нибудь мы с тобой об этом поговорим подробнее. Не заставляй Дашу ждать.

- Вы знаете, как ее зовут? Вы их различаете?

- А разве ты не различаешь?

Я промолчал. В голове проскользнула дурацкая мысль, желание сказать доктору: «Когда мы с вами поговорим подробнее? А если завтра вам понадобится мое сердце? Или селезенка?»

Конечно же, я этого не сказал и тут же забыл об этой мысли - зачем думать о плохом? Ведь каждая жизнь кончается смертью. Никто еще не выздоровел от жизни. Умру ли я завтра или через двадцать лет - в чем разница? Годы и дни пролетают с одинаковой скоростью.

А Григорий Сергеевич подвел меня к девушке по имени Даша.

- Хочу познакомить вас, Дашенька, - сказал он тем воркующим низким рокотом, который заменял ему голос, когда надо было кого-то расположить к себе.

Девушка вздрогнула, словно погребенная под лавиной рокота.

Она не посмела взглянуть на меня.

- Я доверяю его вам, - сказал Григорий Сергеевич. - Пожалуйста, позаботьтесь о моем приемном сыне. Он только кажется могучим парнем, на самом деле он всего лишь робкий юноша со взором горящим.

- Ну что вы говорите! - сказала Даша. У нее был низкий взрослый голос.

Впрочем, у всех девушек был одинаковый голос. Только я не прислушивался к другим голосам.

- Я вас оставляю, - сказал Григорий Сергеевич. Он улыбался, как сытый кот. Ну что за гадкое сравнение! Разве можно, хотя бы мысленно, походя, так обидеть своего доктора!

- Вы все это просмотрели? - спросила Даша, глядя на кассеты.

- Нет, не все.

- А что вы больше любите, ужастики или триллеры?

- Я люблю хорошее кино, - ответил я.

- Ах, ну что вы мне отвечаете невпопад! Все понимают, что лучше хорошее, чем дерьмо. А по жанру? Наверное, фантастику?

- Не выношу фантастики, - признался я.

- Как интересно, - сказала Даша, - я тоже не очень люблю фантастику. Зачем они выдумывают без признаков любви? Я поэтому люблю фэнтези. Вы знаете, что такое фэнтези? Ник Перумов - это класс. И Головачев.

- Я уважаю только Стругацких, - сказал я.

- А в детстве?

- У нас слабая генетическая память, - сказал я. - Своего детства у меня не было.

- А я все помню. У нас даже есть занятия на воспоминания. Мы смотрим детские фильмы, чтобы вспомнить, что знали наши физиологические родители. Был такой мультфильм - «Тайна третьей планеты», я его угадала, как будто смотрела. У вас бывает чувство, когда вы смотрите фильм, а потом понимаете - вы его уже видели? Кадр за кадром...

- Было, - признался я. - А вы лимонада хотите?

Лена принесла нам несколько бутылок лимонада, а еще у нас были конфеты и торт, который мы сами чуть не слопали - так вдруг захотелось.

- Я голодная - жутко. Можно печенья взять?

- Пошли, - сказал я.

Даша взяла меня за руку, словно боялась потеряться в тесно уставленной людьми гостиной.

У нее были прохладные пальцы.

От пальцев исходил слабый ток. Может, это только казалось, но я чувствовал этот ток.

Я смотрел на нее в профиль.

Оттого, что волосы были туго зачесаны назад, голова казалась меньше, чем у других, и четче обрисованной. Нос был чуть вздернут, его кончик как бы потащил верхнюю губу и подбородок. Они выдавались вперед, придавая лицу выражение лукавого упрямства.

Девушка почувствовала мой взгляд и повернулась.

Повернулась, чтобы прямо посмотреть на меня увеличившимися зрачками.

Как будто забралась взглядом далеко внутрь меня, перекрыв горло. Я сглотнул.

Даша сдавила мою ладонь пальцами.

Мы остановились, не в силах двинуться дальше.

Если бы мне сказали о том, что такое возможно, недавно сказали, я бы поднял вас на смех. Это из недорогой книжки.

Мы подошли к столу. Вокруг него уже собрались все или почти все, кроме докторов. Доктора и ассистенты остались в сторонке, на диване у телевизора.

Я успел схватить последние куски торта. Буквально последние. И еще яблоко для Даши. Потом передал ей тарелку, а сам сгреб с блюда шоколадные конфеты.

- Уйдем? - спросил я Дашу.

Возможно, вокруг шумели или пели песни, может быть, ко мне обращались с вопросами - не знаю.

- Куда уйдем?

- К нам в спальню.

- Мария Тихоновна не разрешила, - сказала Даша. - Она просила не оставаться наедине.

- Почему?

- Ты знаешь.

- Честное слово, не знаю. Она боится, что я сделаю тебе плохо?

Видно, удивление мое было настолько искренним, что Даша вдруг засмеялась.

- Предлагаю компромисс, - сказала она. - Рядом с этой комнатой есть перевязочная. Она пустая. Мы проходили мимо, мне надо было носок поправить, и я туда заглянула. Мы дверь закрывать не будем.

- Хорошо.

Она пошла впереди, неся тарелку с кусками торта, а я следовал за ней с остальной добычей.

На полпути в коридоре она остановилась и увидела, что ее ассистентка, некрасивая Раиса, беседует с доктором Блохом.

Она заговорила с Раисой. Я еще не успел подойти, поэтому не слышал, о чем был разговор, зато все понял.

Ассистентка обернулась к Блоху, Блох кивнул, тут и я подоспел, и Блох сказал мне:

- Если вам есть о чем поговорить, почему бы не уединиться.

Тут кто-то включил музыку, оркестр заиграл громко, словно начался новогодний вечер.

Даша включила свет в перевязочной.

Сколько раз я бывал здесь на осмотрах, но впервые увидел эту комнату без врачей, без делового, свойственного ей антуража и настроения.

Письменный стол с компьютером стоял у стены.

- Ставь сюда, - сказала Даша.

Она поставила тарелку с тортом на стол.

- Чего не хватает, - сказала она, критически осмотрев наш праздничный стол, - так это выпивки.

- У нас не бывает, - признался я.

- Знаю, знаю, не в деревне родилась, - улыбнулась Даша. У нее были жемчужные зубы. Не просто белые, а с внутренним отблеском.

- Схожу посмотрю, не поставили ли чай.

- Поставили, - сказала Леночка, наша медсестра, входя к нам. Она несла две большие кружки, надев их ручки на пальцы левой руки. В правой был чайник.

Она ловко, как официантка, поставила чашки на стол.

- Наливайте, - предложила она, - тут уже заварено.

- Ну, у вас обслуга! - обрадовалась девушка.

- Я бы не стала называть меня обслугой, - улыбнулась Леночка. Улыбнулась улыбкой слез - где-то я это слышал.

- Желаю счастья, - сказала Лена. Она закрыла за собой дверь.

- Придется тебе на мне жениться, - засмеялась Даша, - такой заботы я еще никогда не встречала.

Ей было забавно. У нее обнаружилось чувство юмора.

А я за мою относительно короткую жизнь еще никогда не оставался с женщиной один в комнате. У некоторых из моих братьев бывали связи с женщинами - санитарками, сестрами, уборщицами, и Григорий Сергеевич не возражал против них, потому что весь персонал женского пола в нашем Институте подбирался тщательно и женщины проверялись, словно любовницы президента.

В прошлом году я влюбился в нашу повариху Лизавету. Она была веснушчатой хохотушкой, и ни халат, ни платье не могли скрыть больших мягких грудей, что распирала одежду и норовили вывалиться, выскочить из заточения. Мы к ней неслись, как мухи на мед, но в отличие от Лешеньки и Марика я был в нее влюблен и даже писал стихи.

Лизавету уволили после того, как на нее накинудись втроем наши мальчики. Но нельзя сказать, что виноваты были только они. Лизавета сама устроила праздник в своей подсобке, а подробности вам, наверное, известны.

- Ты чего замолчал? - спросила Даша. Она разлила чай по чашкам, развернула «Каракум» и разгладила фантик.

- У нас некоторые девочки собирают фантики, - сообщила она. - А что ваши мальчики

собирают?

- Даже не задумывался, - ответил я. - Кажется, Лешенька собирал телефонные карты.

- Совершенно неинтересно, - сказала Даша. - Вас на экскурсии возят?

- Редко, - признался я. - Григорий Сергеевич не хочет привлекать излишнего внимания. Когда столько одинаковых вместе - люди пугаются. Начинают шептаться - клон, клон! - как будто в этом есть что-то стыдное.

- Ничего нет стыдного. Бывают естественные близнецы, а бывают клонированные. Я считаю, что нам повезло.

- Потому что вы красивые?

- Разумеется, красивых людей должно быть как можно больше. Зачем нужны уроды?

- Это наука вашей Марии Тихоновны?

- Ты пей чай, а то остынет.

На Даше была кофточка, розоватая с длинными рукавами, а джинсы в обтяжку. Мне хотелось бы посмотреть, какие у нее колени. Хотя я понимал - нет ничего проще, возвратись в гостиную и погляди на одну из ее клона. У всех колени одинаковые.

А грудь у нее была небольшая. Плечи широкие.

Даша перехватила мой взгляд и сказала:

- Мы плаванием занимаемся. Я на спине первый разряд проплываю. Можешь себе представить, что я меньше года занимаюсь! И уже первый разряд. Тренер говорит, что я самая способная в группе.

- Мы тоже иногда плаваем в бассейне, - сказал я. - Но я тебя там не видел.

- Разные смены... Но у меня получается недостаток - видишь, какие широкие плечи получились. И мускулистые. Попробуй. Дай свою руку, попробуй. Да не так сильно! Ты мне плечо оторвешь!

- Извини, я нечаянно.

- Верю, что нечаянно. Еще чаю хочешь?

- Нет, спасибо.

- Я себе еще налью. А ты сильный.

- Обыкновенный, как все.

- Довольно скучно, правда?

- Скучно.

- Хорошо, что мы к вам в гости пришли.

- Жалко, что раньше не приходили. Мы еще встретимся?
- Почему ты так спрашиваешь?
- Ведь не каждый день вас будут к нам в гости приводить.
- А как нам встретиться?
- Не знаю, я думаю. Еще не знаю, но думаю.
- Можно, я конфеты возьму? У нас таких не дают. И знаешь почему? Маруся боится, что мы растолстеем. Она говорит: матери будущих спасителей Земли должны быть стройными, как Венеры.
- Какие еще спасители Земли?
- Ну ты же должен знать! Скажи, какая у тебя цель в жизни?
- Жертвовать собой ради других людей, - проговорился я, хотя обещал о таких вещах не говорить.
- Чепуха. - Она посмотрела на меня в упор, и ее глазищи увеличились до какого-то умопомрачительного размера.
- Я близорукая! - пояснила Даша. - Это ненормальный размер. В пределах клона, как ты знаешь, бывают различия. Близорукость - это индивидуально. У остальных наших девочек глаза нормальные. И не надо мне пудрить мозги своей жертвенностью. Жизнь - простая штука. Но я на нее не обижаюсь. Женщина - в первую очередь мать, продолжательница рода. Ты, голубчик, осеменил меня и побежал дальше, а я должна выносить, родить, выкормить и выпустить в свет маленького человечка.
- Значит, вас выращивают как гарем? - спросил я.
- Не хаами, или я сейчас уйду. Мы - невесты достойных мужей.
- Значит, вас знакомят, потом выдают замуж? Или без знакомства?
- Иван, ты мне буквально надоел, - сказала Даша. Ее зрачки уменьшились до разумных размеров. Конфеты она ссыпала себе в сумочку. - Можно, я твой торт доем?
- Доедай.

Я верил Григорию Сергеевичу. Конечно же, в нашем Институте клоны держат не для каких-то будущих счастливых браков. Мы обречены. Но я знаю об этом и готов к этому. Даша ничего не знает и пойдет к своей судьбе, как баран с завязанными глазами. А должен ли я верить Григорию Сергеевичу? А что, если на самом деле в соседнем отделении воспитывают клон будущих идеальных матерей?

- Ты была на свадьбе?
- На какой свадьбе?

Она так спешила съесть кусок торта, что испачкала кремом кончик носа и подбородок.

- Ты говоришь, что твоих сестер выдают замуж...

- Конечно. Но не обязательно. Иногда достаточно искусственного осеменения. Результат тот же самый, правда?

Она лукаво улыбнулась и наконец-то спрятала между алых губ последний кусочек торта.

- А ты уже была... была с мужчиной?

- Ну что за глупости лезут тебе в голову, Ваня! - воскликнула Даша. - Здесь, на товарищеской встрече с соседним клоном, только девственницы. Надеюсь, тебя это не смущает?

Она притворялась. Странная смесь словесного цинизма и робкой неуверенности в себе.

- Извини, я неправильно себя веду, - сказал я. - Тебе неприятно?

Она вынула зеркальце из сумки и, посмотревшись в него, стала вытирать лицо платочком.

- Чего ж ты не сказал, - упрекнула она меня. - Представляешь, если бы я вернулась с такой рожей?

- Когда я тебя увижу?

- А ты этого хочешь?

По коридору кто-то шел.

- Я не знаю. Может, тебе разрешат меня навестить?

В перевязочную заглянула их ассистентка Раиса, некрасивая сутулая женщина.

- Свидание закончено, - сказала она. За ее спиной стоял доктор Блох.

- Чао, бамбино! - проворковала Даша.

И быстро пошла прочь. Я только сейчас заметил, что у нее были туфли на каблуках, и потому ее уход оказался звонким, чечеточным, гарцюющим.

В конце коридора, у выхода из нашего отделения, стояли гурьбой наши и гости. Мужские головы были темными, каштановыми, а женские - светлыми, русыми.

- Она понравилась тебе? - спросил Блох.

- Не знаю, - ответил я, потому что не успел решить, что выгоднее: изобразить равнодушие или, наоборот, интерес. Ведь мне надо было придумать, как увидеть ее снова.

Я догнал Дашу у дверей.

Девочки начали шутить - где, мол, была, что делала? Соблазнили ли тебя?

- А мы с ним видео смотрели, - сказала Даша. - Порнуху. Славно время провели.

- Врешь!

- У нас нет порнухи, - сообщил Василек. Но его никто не услышал за охами и писком наших

гостей.

Правда, ассистентка спросила Блоха:

- Насколько это соответствует?
- Дети балуются, не обращайтесь внимания.

Этот ответ можно было понять двояко. То ли есть, но не надо реагировать, то ли мы невинны как овечки.

Мы проводили гостей до большой лестницы. Я ждал, когда Даша обернется. Она обернулась в последний момент, как будто была убеждена, что я гляжу вслед. Она подняла руку, прощаясь со мной.

Но ее взгляда я перехватить не смог.

Я стоял, а мои братья медленно возвращались в отделение, они были возбуждены и веселы, хотя, как я понимаю, никто из них не провел время вдвоем с девушкой.

5

Я сказал Григорию Сергеевичу:

- Можно мне посетить женский клон?
- Хочешь повидаться с Дашей?
- Мне бы хотелось. Мы с ней договорились.

Разговор происходил в его кабинете во время утреннего осмотра.

Григорий Сергеевич похлопал меня по голому плечу и сказал:

- Одевайся, молодец! Хоть на Эверест восходи.
- Хорошо бы...
- Удовольствие не для тебя.
- Скажите, а как себя чувствует маршал авиации?
- Ты имеешь в виду Параскудейкина?
- Командующего Ракетными войсками.
- Александр Акимович пошел на поправку. Ему значительно лучше. Его врачи считают, что через две-три недели он вернется в строй. И наша родина должна быть благодарна Лешеньке.
- Неужели нельзя говорить правду? - спросил я.
- Рано. Общественность к этому еще не готова. Я, честно говоря, мечтаю, что наступит день избавления от всех болезней. И мы с тобой скажем: наше дело сделано. Давайте жить долго!
- Я уже не скажу, - заметил я. С сожалением, что раньше мне было не свойственно. Григорий

Сергеевич пронзил меня взглядом своих черных бездонных глаз так, что пол качнулся подо мной.

- Что ты хотел спросить у меня? – произнес он.

- Я просил увидеть Дашу.

- Можно я буду с тобой предельно откровенен, как с самим собой? – спросил доктор.

Когда человек, владеющий твоей судьбой, хочет поговорить с тобой откровенно, добра не жди.

- Говорите, – сказал я, разглядывая носки своих кроссовок.

- Вчера возник спор. Он касается не только тебя, но и всей концепции нашего исследования. Есть мнение, что любой из наших медицинских клонов следует делить на две части. Одни, как и прежде, будут жертвовать собой ради жизни на Земле. Другие, один – два индивидуума из каждого клона, будут оставаться для размножения, то есть для продолжения эксперимента в условиях естественного воспроизведения. Я не слишком сложно изъясняюсь?

Я все понял.

У меня даже в животе заурчало от волнения.

- Вы меня выбрали?

- Подожди, Ваня, не все так просто. Честно говоря, я выступал за справедливость. Незачем делить клон на черных и белых. А вдруг сложится ситуация, когда потребуется жизнь или здоровье одного из созданной нами пары?

- А вы вычеркните их насовсем. Забудьте, – подсказал я.

- Я вижу, что ты себя уже определил в производителе. Смешно.

- Чего же смешного? – обиделся я.

- Смешно наблюдать за тем, как жизнь меня переиграла, – сказал доктор. – Мой клон не только не один, как мы думали, но с каждым днем его члены набирают индивидуальные черты. С дьявольской скоростью, скажу тебе, мой мальчик. Вчера мы с вами были едины в понимании цели. Сегодня мы вынуждены заменить Олега на Лешеньку, потому что Лешенька стал угрозой для существования эксперимента.

- Вы его нарочно взяли?

- Не делай больших глаз, Ваня. Ты отлично знал, когда рассказывал о недозволенных речах твоего друга и брата, что мы будем вынуждены его наказать. Мы его и наказали. А у истоков наказания стоял ты, голубчик.

- Я ничего не сделал! – почти закричал я. – Я не хотел!

- Да, да, не хотел, не волнуйся. Ты ни при чем. Лучше дослушай меня.

- Я не хочу дослушивать!

- Ты не понял. Я говорю о тебе и Даше. Мария Тихоновна считает, что твой роман с Дашей мы

должны поощрять. Смешно? Тебя не спросили, а уже влюбляют. Тебе смешно?

- Нет, не очень.

- Мне тоже не смешно. Они даже нашли лазутчика, союзника в моем лагере – Елену. Она тоже хотела изолировать тебя. Выделить из клона. Глупо, а я на нее так надеялся.

- Вы позволите мне увидеть Дашу?

- Во-первых, не только я принимаю решения. Как и большинство начальников, я могу запретить, но мне очень трудно что-нибудь разрешить.

- Вы их переспорили?

- Считаю, что переспорил. Ты останешься в клоне.

А в спину мне он крикнул:

- Хотя нет ничего окончательного. Не падай духом, сынок!

Я подождал, пока он уйдет, потом попробовал сам проникнуть в женское отделение. Я подумал, что если у меня есть союзники, то они в женском отделении.

Но переходник в женское отделение был закрыт, и, когда я нажал на дверь, тут же изнутри раздавался голос охранника:

- Что нужно? Вход без особого разрешения запрещен.

Я так и думал.

Надо подчиниться.

А я все больше сердился на Григория Сергеевича.

Это было неправильно, потому что еще вчера я был самым верным из его подопечных. Я искренне готов был отдать жизнь за благое дело. Неужели можно измениться так быстро?

Я возвратился в наше отделение, из бильярдной раздавались щелчки бьющихся друг о дружку шаров. Рыжий Барбос, как всегда, выигрывал.

И тогда я подумал: надо отыскать Марию Тихоновну. Если она не согласна с моим доктором, то может мне помочь.

Недавно еще я бы и в мыслях не посмел воспротивиться мнению Григория Сергеевича, а сегодня мне это решение показалось правильным.

Я спросил у охранника, как мне увидеть Марию Тихоновну.

Бесплотный голос, в котором мне хотелось уловить сочувствие, сказал:

- Мария Тихоновна отбыла на совещание в министерство. Звоните завтра после десяти часов утра по окончании обхода.

Нет, сказал я себе, отходя от двери.

Еще не все потеряно.

Есть другой путь на женскую половину – через палаты.

Я представлял себе расположение комнат и коридоров нашего корпуса. В основе своей Институт был старым зданием, построенным еще при Екатерине Великой. Но с тех пор его корпуса многократно перестраивались, доделывались, модернизировались, реставрировались и приходили в негодность. Сегодня центральная часть главного корпуса после евроремонта приобрела снова классический вид с фасадом о восьми колоннах. Но за пределами парадной лестницы здание было выпотрошено еще в тридцатые годы. Мне говорили, – а чего только не рассказывают ночью в палате, – что под Институтом есть подземные туннели, они выводят к Москве-реке или соединяются с «третьим метро», которое ведет от Котельнического дома под Яузой в Кремль.

Я понимал, что все это сказки, как и то, что в туннелях стоит охрана, стреляющая без предупреждения, но в каждой исторической фальшивке есть доля истины. Туннель может оказаться забытым чуланом, но и забытый чулан может кому-то пригодиться.

Но у меня хорошая зрительная память, к тому же мое любопытство уже увлекало меня в небольшие, ограниченные возможностями нашего брата, путешествия по коридорам.

Я знал, что между нашим отделением и бухгалтерией лежат три операционные. Они к нашим лабораториям отношения не имеют, хотя, конечно же, немислимы друг без друга.

Там проводятся те операции, ради которых мы и существуем на свете. А именно – пересадка жизненно важных органов. Хирурги, которые работают там, к нашей клинике не относятся. Они приезжают чаще всего вместе с пациентами, потому что это – крупнейшие специалисты в своей области, и им нечего делать в нашем Институте, где пересадки проводятся от случая к случаю. Только для особо важных больных.

Чаще всего бригада хирургов привозит больного с собой.

Мы их не видим.

И хорошо. Что бы ни говорили о подвигах и славе, смотреть на людей в голубых халатах, наверное, подобно тому, как осужденный смотрит на красную одежду палача.

Операционных три, потому что они специально профилированы для совершенно разных типов операций, и я об этом говорить не буду. Не хочу, да и мало знаю.

Но вдоль операционных проходит служебный коридор и дальше, за ними есть комнаты отдыха для хирургов и боксы, в которых перед операцией лежат доноры и реципиенты. То есть те, кто отдает, и те, кто получает.

После операции реципиент остается на несколько дней в нашем Институте. А что касается донора – то порой изредка они возвращаются. Как Володичка. Если пересадка их не убила. И они еще могут пригодиться человечеству. Но чаще они не возвращаются. Как Лешенька.

Где-то за операционными лежит в палате командующий Ракетными войсками, герой Российской Федерации и прочая, и прочая, прошедший плен в Афгане и Чечне, Александр Акимович. Герой. Гордость нации.

А что касается Лешеньки, то, вернее всего, некоторые его органы законсервированы, это

идеальный материал. И Лешенька возродится не в одном – в нескольких людях, спасенных ценой его жизни. Вот так.

Дальше, за хирургическим, или трансплантационным, отделением находится хозяйственный корпус, он соединен с хирургией старым коридором. Там же расположены комнаты странного назначения, до которых руки не доходят, чтобы их утилизировать и привести в порядок. Например, за хирургией я сам видел пыльный «красный уголок» – небольшой зал с переходящими красными знаменами, длинным столом, покрытым ветхой красной суконной скатертью, стульями из каменного века и длинными красными полотнами лозунгов по стенам и под потолком. «Слава советским медикам, добившимся решительных успехов в борьбе с туберкулезом!»

Там есть длинная комната, в которую притаскивают – грех же выкидывать! – старые койки и каталки. Они стоят там тесно и ждут войны или страшной эпидемии. Есть просто пустые палаты, подготовленные к ремонту. А в крайней я видел стремянку, ведра с высохшей краской и пилотку на полу, сложенную из газетного листа. Когда-то давно ремонт здесь все же начался, но, видно, о цене не сговорились или украинских арбайтеров выгнали из Москвы.

Я помнил о пути за хирургию, хотя дальше подготовленной к ремонту палаты не заходил. Но по моим расчетам получалось, что если за пустыми комнатами я смогу найти ход на верхний этаж, а еще лучше – на чердак, то смогу перейти в главный корпус, где и находится женское отделение.

Наверное, лучше всего пробраться туда поздно вечером или ночью, потому что тогда нет опасности встретить в коридоре случайного человека. Но ночью и охранники бдительнее: возможно, самые важные части коридора контролируются телевизионными камерами, как в американском фильме.

Нет, лучше идти сейчас, пока Институт живет и не собирается спать. И я буду надеяться на то, что в этой части здания всегда народу негусто.

К счастью, мы ходим по отделению в гражданской одежде – в джинсах и различного вида куртках. Помимо нас в Институте работают или пребывают, очевидно, несколько сотен человек. И врачей среди них меньшинство. Впрочем, за пределами лабораторий и кабинетов многие предпочитают цивильный наряд.

Так что мне и притворяться не нужно. Идет по коридору техник или лаборант...

Я был прав.

Дверь из нашего отделения я открыл – не в первый раз. Время от времени кто-то из нас бежит в киоск на первом этаже или к автомату с «кока-колой». Так что дверь между нами и боксами открывать мы умеем. Но в боксы не суемся. Это опасно, могут наказать. Если, конечно, в боксе кто-то есть.

Так что я прошел по коридорам быстро, не смотря по сторонам, на случай, если за мной наблюдают телекамеры.

У последнего бокса я чуть было не задержался.

Но устоял, поборол соблазн.

К матовой двери бокса была прикреплена стандартная табличка с надписью

«А.А.Параскудейкин».

Нет, я не буду сейчас рисковать. А вот на обратном пути обязательно загляну в бокс. Я ощущал себя причастным к его спасению. Леша связан со мной теснее, чем просто брат, мы с ним идентичны. И если он отдал жизнь за человека, то и я частично отдал, ну если не жизнь, то что-то дорогое.

В одной из операционных горел свет, оттуда доносились женские голоса. Я решил, что там идет уборка – ведь операционные всегда должны быть стерильно чистыми. Мне не хотелось бы попасть в грязную операционную. Это не значит, что я надеюсь выйти оттуда, в конце концов это меня уже не будет касаться, но все же должны соблюдаться некие важные принципы. Не сочтите меня занудой, я дитя системы воспитания и образа жизни. Как говорится, какой режим, под тем и лежим.

Ободранная белая дверь открылась нехотя, будто знала, что мы с ней совершаем нечто нехорошее.

За ней находилась лестничная площадка, переход наверх был забран решеткой с висячим замком амбарного вида. Маршем ниже я оказался у стеклянной двери, за которой была больничная кухня. Одно из стекол в двери было выбито и сквозь него тянуло запахом столовских щей, хотя вроде бы щами нас давно не кормили.

На кухне мне делать было нечего, а ниже был подвал.

Я вернулся на этаж хирургии, но сразу двинуться дальше мне не удалось, потому что санитарки, которые шли из операционной, устроили по пути горячий спор из-за салфеток. Я не вслушивался в спор, только досчитал до шестисот, прежде чем они вдоволь наговорились.

Затем я быстро прошел мимо пустых палат и палат, в которых должен начаться ремонт. Миновал площадку главной лестницы и пошел дальше широким коридором мимо старинных палат по двенадцать коек в каждой. По коридору бродили ходячие больные, пробегали сестры, я даже не знаю, что это за отделение. Главное было – не потерять кардинальное направление...

6

Через полчаса я добрался до бассейна. В бассейне как раз купались девушки из клона. Дашу я узнал не сразу, потому что они плавали в шапочках, и все казались совершенно одинаковыми. Она меня сама узнала. И не удивилась. Она подняла тонкую длинную руку и помахала мне.

- Ныряй к нам! - крикнула она.

В бассейне гулко перекликались голоса, и поэтому ее голос не выделялся из прочих.

Весь зал высотой в два этажа с чередой окон под потолком был гулким и обширным, казалось, что такой громадине никак не поместиться внутри нашего скромного здания.

Никто не обратил на меня внимания.

Я сел на бортик и свесил ноги, носки моих кроссовок чуть не касались воды.

Она подплыла и сказала:

- Привет, я рада тебя видеть.

В глазах ее была настоящая радость. Даже такой тупой мужик, как я, ее заметил.

- Я тебя весь день искал, - сказал я.
- Я ночью стихи про тебя придумала.
- Расскажешь?
- Я забыла. Но это были хорошие стихи.
- Про любовь?
- Нет, про шпиончиков, дурак!

Нам было весело. Как будто больше ничего не угрожало. Вот, встретились, а теперь будем гулять, сколько хочется.

- Нырй, - предложила она.
- У меня плавок нет. Лучше ты вылезай.
- У нас скоро ужин начнется.
- Я тебя ждать буду за раздевалкой.
- У Раисы спрашиваться?
- Тогда тебя не пустят.
- Я совершеннолетняя!

Но она понимала, что не пустят.

- Уходи незаметно, - сказала она.

Там, на выходе из раздевалки, стояли деревянные скамейки. Я довольно долго ждал Дашу. Весь зад себе отсидел.

К счастью, никто раньше нее не вышел.

Даша вышла из раздевалки с сумкой в руке, одета, как вчера, только блузка другая, светло-коричневая.

И темные от воды волосы распущены по плечам. Очень красиво.

- Заждался? - спросила Даша.
- Не успел.
- Ты молодец, - ободрила она. - Не психуешь. Я бы на твоем месте умерла от ожидания. Куда пойдем?
- Ты лучше знаешь эти места, - сказал я.
- Нет, если ты пришел со своего крыла, значит, ты все посмотрел. А я что: отсюда на лифт - и в

нашем отделении. Как ты думаешь, нельзя в сад пойти погулять?

За нашим Институтом есть старый парк, называется он садом, так принято. Нас туда водили несколько раз работать на приусадебном участке, но по одному ходить не разрешают, и Григорий Сергеевич доступно объяснил: из сада легко выйти на улицу. Мы же не привыкли к жизни в городе и можем погибнуть. Надо учитывать, что Москва – жестокое место, в котором есть опасное предубеждение против клонов. В прошлом, когда люди из самых первых клонов выходили в город и гуляли поодиночке, были случаи нападения и даже убийства. Об этом трудно говорить без волнения, но человечество еще не готово к встрече с людьми будущего. Так что для нашего же блага лучше, чтобы мы не встречались со случайными прохожими, особенно со скинхедами – это современные фашисты.

- Нас не выпустят, – сказал я. – У нас был один парень, Леша, он пытался выбраться в сад – у него был непослушный характер. Он выпрыгнул в сад из окна второго этажа, но его скоро взяли. Там спускают сторожевых собак, чтобы снаружи не пролезли бандиты.

- А где твой Леша? – спросила Даша. Почему ей вдруг захотелось о нем спросить?

- Он улетел, – сказал я. – В другую страну.

- Ты врешь, – сказала Даша. Одна бровь у нее была выше другой.

- Чего мы тут стоим? – спросил я. – Ждем, пока кто-нибудь придет и разлучит?

- Разлучит?

- Нам не рекомендовано общаться, – сказал я. – Механик тобой недоволен.

- Какой механик?

- Это из песни.

- Я ее не знаю.

- Когда ее учили, ты болела.

Даша насупилась.

- Ты опять шутишь?

- Да не шучу я! Была такая старая песня!

- Куда мы пойдем? – спросила Даша.

- В хирургическое отделение, – сказал я. – Там есть пустые комнаты, туда никто не ходит.

- Почему?

- Хотели ремонт сделать, но, видно, нет денег.

- Пойдем, – согласилась Даша. – Это далеко отсюда?

Мы пошли туда и вовремя, потому что как раз в тот момент из раздевалки стали выходить девушки из ее клона, и одна из них успела нас заметить и крикнула вслед:

- Дашка, ты с ума сошла! Скоро ужин.

Я потянул ее за руку.

- Ой, как нехорошо получилось! - проговорила она на бегу. - Варвара обязательно расскажет Раисе. Она у нее в клеветках.

Я не стал выяснять, кто такая клеветка. Слово, правда, было неприятное.

Я уже изучил дорогу верхним этажом, где ход на чердак и дальше - бухгалтерия. Рабочий день кончился, бухгалтерия опустела, двери по обе стороны коридора были закрыты, но оставаться здесь не следовало, наверняка есть какие-нибудь сторожа.

Даша шла, вертя головкой - она никогда здесь не была, да вообще не бродила по нашему Институту. Женщины меньше склонны к путешествиям. Обратите внимание - все открытия сделаны мужчинами, которые мечтают покинуть дом и просыпаться черт знает в какой палатке. Мне даже порой жалко, что судьба не подарила мне возможности путешествовать. Я бы попросил Григория Сергеевича: разрешите мне один год попутешествовать, где захочется, а потом я вернусь и выполню свой долг. Нечто подобное как-то при мне сказал Марик. На что Григорий Сергеевич ответил примерно так:

- Голубчик, есть заблуждение, что молодые люди не хотят умирать и боятся смерти. На самом деле все наоборот - у молодого человека впереди такая длинная жизнь, что ему кажется, будто смерти не существует. На самом деле старики боятся смерти куда больше. Она ведь рядом, она для них реальна. Им так хочется еще немного оттянуть момент прощания с этим миром! Тебе кажется, что если тебя отпустить в пампасы поскакать верхом на бизоне или задушить крокодила, то ты через год смиришься с конечностью жизни. Ничего подобного: я для того и защищаю вас от жизни, чтобы вы не привязывались к ней. Прости за определенный цинизм, но я сознательно держу вас на привязи в конюшне, откуда не жаль уходить на скотобойню.

Может быть, Григорий Сергеевич выражался не так определенно и жестко, но сейчас у меня было ощущение именно таких слов.

- Долго еще идти? - спросила Даша. - Я боюсь далеко отходить от отделения. Вдруг меня хватятся? Ты не представляешь, что будет, что будет!

- Ничего они с тобой не сделают.

- Кроме того, что не разрешат больше с тобой видаться и запрут меня в карцер.

- У вас есть карцер?

- Нет, конечно! У нас же гуманитарное заведение. Но так принято говорить.

- Гуманное.

- Что?

- Надо говорить гуманное заведение, а не гуманитарное.

- Нас так учили... А дальше я не пойду.

Навстречу шли двое мужчин.

Они двигались против света и показались мне очень большими и угрожающими.

- Постой, - сказал один из них, когда мы сблизились.

Даша так крепко схватила мою руку, что ее ногти впились мне в ладонь.

Бежать не имело смысла. За спиной был коридор с запертыми дверями.

Двумя пальцами парень держал листок бумаги:

- Как нам в шестьдесят седьмую комнату пройти, не подскажете?

- Не подскажу! - От внезапного облегчения я проникся презрением к этим парням.

- Ты чего?

- Не знаю я, неужели не ясно, не знаю я никакой комнаты!

- Да ты не кричи. - Рабочие были настроены миролюбиво, к тому же чувствовали себя неуверенно - все-таки они оказались в больнице, где им попался некто строгий, то есть я. Рабочие остались за спиной.

- А что, если они сообщат о нас? - прошептала Даша.

- Что они могут сообщить?

Я сообразил, что мы проскочили пустую палату, где я хотел посидеть с Дашей.

Мы помчались дальше, в новый корпус, в хирургию.

Слева находилась палата с табличкой «А.А.Параскудейкин».

Я остановился.

Здесь было опасно. Сюда заходить ни в коем случае нельзя. Но так хотелось взглянуть на командующего. Я не могу объяснить, почему именно в тот момент мне понадобилось любой ценой поглядеть на человека, который унаследовал жизнь Лешеньки. Нет, не убил его - он и не подозревал, что получит жизнь ценой смерти молодого красивого человека, моего брата.

- Ты куда?

- Подожди. Я на секунду.

- Я с тобой.

- Я только взгляну на человека. Это знаменитый командующий. Я его видел только на портрете.

- Завтра увидишь.

Я уже ринулся к двери.

И отворил ее как можно бесшумнее.

Она скрипнула.

Палата была невелика. Койка оказалась выше, чем я думал, человек лежал на ней под углом – койка повышалась к изголовью. Из носа человека тянулась и пропадала за кроватью пластиковая трубочка. Рядом стояла капельница. У стены протянулись три или четыре прибора с дисплеями, на экране одного из них пробегали зеленые линии, взбрыкивая, как крутые морские волны.

Это все я увидел за секунду.

Еще я увидел лицо маршала авиации.

Это было не его лицо, чужое лицо.

Смуглое, крупноносое, губы наизнанку, глаза прикрыты, но между черных ресниц видны голубоватые белки, волосы завитые, пушкинские, баранья шкура окружает блестящую потную лысину.

Табличка на палате оказалась ошибочной.

Надо заглянуть в соседнюю, но из-за кровати уже поднялась сестра в голубой наколке и халате.

- Вы что здесь делаете, молодые люди? – спросила она вполголоса.

Я сказал:

- Простите, ошибка.

Я попятился, чуть не свалил Дашу и потянул ее назад по коридору. В пустой сектор.

Сестра не стала выходить за нами. Может, не испугалась, решила, что и в самом деле кто-то ошибся, бывает.

Я запыхался – все-таки надо больше двигаться и тренироваться. Даша и вовсе дышала, как загнанный кролик.

За окном уже темнело, комната от этого казалась больше, чем при дневном свете.

Там стояло четыре койки, с трех были сняты матрацы, и поблескивали голые пружины, зато на четвертой были матрац и одеяло, только без подушки.

- Ты хотел здесь посидеть? – спросила Даша. В палате ей не понравилось.

- А разве здесь плохо?

- У тебя распушенный тон.

- Не бойся, мы только посидим.

- Учти, – она подошла к постели, села на нее и немного попрыгала, чтобы понять, мягкая ли пружинная сетка, – я ненадолго.

Кровать заскрипела, как запела.

- Ты всех перебудешь, – сказал я.

- Я больше не буду. Ты чего-нибудь принес?

- Ты голодная?

- Я всегда после бассейна голодная. И вообще, я часто хочу есть. Во мне все слишком быстро перегорает.

- У всех у вас?

- Я самая активная.

Я сел рядом с ней, сетка подалась, и мы невольно сблизились, как будто съехали с двух горок навстречу друг другу.

- Осторожнее!

Она подняла ладонь, защищаясь от меня. Я поймал ладонь в обе руки. И мы замерли.

А потом я потянул к себе ее руку и поднес к губам. Я осторожно поцеловал ее.

Даша вздохнула, словно с облегчением.

Потом потянулась ко мне и коснулась губами моей щеки.

Но от нашего общего движения пружины совсем прогнулись и толкнули нас еще ближе, настолько, что мне пришлось обхватить ее руками, чтобы не свалиться.

- Ой, ну что ты делаешь! - прошептала Даша. А я стал целовать ее щеку, висок, волосы, которые оказались мягкими и сильно пахли ягодным мылом.

- Что ты делаешь, - повторяла она, - ну что ты делаешь, сумасшедший? Ты слышишь? Ты же сумасшедший!

А потом она замолчала, потому что ее губы нечаянно встретились с моими, они были сначала сухими и даже жесткими, а потом стали очень мягкими, мокрыми и почти жидкими - я никогда не знал, что губы могут быть такими мокрыми и горячими, - обжечься можно.

Если какие-то мысли и скользили внутри головы, они почти не оставляли следа - это потом я задумался о том, какие горячие губы, и понял, что она шептала что-то, но ни слова не запомнил. И вообще, мои руки действовали помимо моей воли, потому что я отлично знал и верил в то, что девушке нельзя делать больно, порядочные люди не распускают рук. Почему-то это было заложено в голову, то ли пришло из загадочной родовой памяти, о которой не раз рассуждал Григорий Сергеевич, то ли было прочитано или увидено на экране.

Но почему-то мои пальцы добрались до ее груди, которая была тугой, но не твердой - ну как передашь словами эти ощущения, - меня так удивил твердый орешек - сосок, и захотелось отыскать второй сосок и даже поцеловать его, а она смогла проговорить:

- И не мечтай, не надо...

Потом она стала говорить:

- Ванечка, милый, ну пожалей меня, не надо сейчас, Ванечка!

Она уменьшилась, потому что вся уместилась в пределах и власти моего, ставшего гигантским, тела, и этому телу было необходимо отыскать вход, какой-то вход, отверстие в маленьком, горячем, податливом и не смеющем сопротивляться теле Даши, Дашеньки... Я почти преуспел в этом, потому что Даша, сопротивляясь, на самом деле помогала мне покорить, уничтожить, пронзить ее.

И вдруг – ну почему так случается?

Вдруг, когда моя ладонь почувствовала горячий, сухой мох под ее последней одеждой – я пишу как будто о другом человеке, потому что в те минуты я был другим, – незнакомым самому себе существом, я избегаю называть какие-то части тела или действия известными и обычными словами, потому что тогда я забыл все эти названия и пользовался для самого себя образными сравнениями – кажется, такие слова зовутся эвфемизмами, они заменяют слова настоящие, но стыдные.

И вдруг Даша стала другой.

Она так испугалась, словно я пронзил ее раскаленным железным прутком. Она забилась, стала выскальзывать из-под меня, а так как я не был к этому готов, то она скользнула к краю койки, вырвалась и съехала на пол.

Я грохнулся сверху, но инерция во мне была столь велика, что я был готов помогать ей.

А она совершенно трезво сказала:

- Ты мне делаешь больно.

- Даша, – взмолился я.

Она вылезла из-под меня.

Все наши действия и движения с этой секунды стали неловкими и некрасивыми. Два человека возились на пыльном полу, один из них старался вырваться и подняться, а второй не пускал...

Даша победила и оттолкнула меня так, что стало не по себе.

И встала.

И не сразу сообразила, что у нее до самого пояса расстегнута блузка, а лифчик разорван, поэтому тугая округлая грудь без стыда видна, как некий плод, сладкий и чистый.

Потом она поймала мой взгляд и стала быстрыми, но неверными пальцами застегивать блузку.

Я сидел на полу.

Потом поднялся, и с каждой секундой мне становилось все стыднее.

- Прости, – сказал я.

- Разве это любовь? – сказала Даша с укоризной. – Разве такая любовь у людей бывает? Ты мне понравился, и я думала, что у нас с тобой все будет очень красиво.

- Честное слово – прости! Я не хотел так.

Все. Она была застегнута, недоступна, она поправила волосы и спросила:

- У тебя зеркала нет?

А сама уже рылась в своей сумке. Это была спортивная сумка, с которой она ходила в бассейн. Из нее, как из матрешки, появилась маленькая черная сумочка, из нее - зеркальце.

- Мне пора идти, - сказала Даша. - Ты меня проводишь?

Когда мы вышли в коридор, она добавила:

- В отделение не провожай. Только выведи из вашей хирургии.

Мы медленно шли по коридору.

К Даше возвращалось хорошее настроение. Видно, теперь она меня не боялась и готова была простить.

- В конце концов, - вдруг заявила она, - ты не успел сделать ничего дурного.

- А я и не собирался делать ничего дурного.

- У девушки есть принципы, - возразила Дашенька. - Один из них - сохранение себя для продолжения рода. Именно для этого создан наш клон. Мы должны стать женами оптимальных мужчин. А я не знаю, прошел бы ты конкурс.

- Конкурс на жениха?

- Не смейся. Это очень серьезно.

- Ты уверена, что вас держат как консервы для женихов?

- А ты можешь предложить другую версию?

Я задумался. Конечно, соблазн был велик. Но я понимал, что Григорий Сергеевич прав. Для меня величие и смысл подвига заключались в жертвенности. Наш клон можно было назвать, будь нам свойственно чувство черного юмора, клоном имени Александра Матросова (был такой герой во время Отечественной войны, который закрыл собой амбразуру). Клон Даши существовал и объединялся на принципе жизни. Наше внутреннее противоречие заключалось в конфликте индивидуального стремления к жизни и социальной значимости смерти. Конфликт Даши был между определением спутника жизни, которого ей выдаст Мария Тихоновна, и желанием ее глаз и тела самой выбрать себе партнера. Вот и сейчас она толком не знает, можно ли поддаться голосу плоти или надо ждать распоряжения свыше?

Вам иногда может показаться, что я размышляю слишком умно и сложно. Но это ведь не только мои мысли, это и мысли моих генетических родителей, унаследованные мною в неполной и порой уродливой форме. Я сам не знаю, откуда вдруг во мне возникают слова, фразы и обрывки мыслей, которых, по здравом размышлении, во мне и быть не может.

Я ловлю себя на том, что я - узурпатор. Даже мысли краденые.

Наверное, поэтому я не имею права на долгую жизнь.

- Ты о чем задумался? - спросила Дашенька.

Глаза у нее горели – мы вышли в коридор, под потолком которого тянулись рядком маленькие яркие лампочки. Вот глаза и отражали их.

Когда мы проходили мимо кабинетов бухгалтерии, Дашенька вдруг спросила:

- А мы еще встретимся?

Вместо ответа я поцеловал ее. Так обрадовался. Не ожидал этих слов. Но этот поцелуй был скорее нежным, чем страстным. Вы понимаете разницу?

- погоди, – сказала Даша. – Кто-нибудь обязательно пойдет мимо.

- Ну и пускай! – Мне в тот момент и в самом деле было все равно. Я бы не испугался и самого Григория Сергеевича.

- Я скажу Марии Тихоновне, что выбрала тебя в свой мужья, хорошо?

- погоди, – попросил я.

- Ты не хочешь?

- Я очень хочу. Но я ведь тоже не совсем себе принадлежу. И нам могут запретить встречаться.

- Я очень сильно попрошу!

- Твоя Мария Тихоновна моему доктору – не указ.

- Ты уверен?

Она даже остановилась посреди коридора.

- Боюсь, что так.

- Значит, я не смогу выбрать тебя? Тогда мы убежим отсюда.

- Куда?

- Туда, где можно быть со своим любимым человеком.

- Я не знаю такого места.

- Ваня, дорогой. – Она стала сразу куда старше и мудрее меня. – Мир не заканчивается этой клиникой. А мне кажется, что ты всю жизнь прожил здесь, не выходя на улицу. Люди летают на Луну, кидают бомбы, изобретают компьютеры, а ты сидишь здесь и чего-то ждешь. Ты ведь даже не рассказал, для чего готовили твой клон. Неужели просто так? Никто не живет просто так. У каждого человека есть цель. Даже если ему кажется, что цели нет. Но от тебя зависит очень многое, правда?

У нее была такая милая для меня манера, совсем как у англичан, задавать одним словом вопрос в конце фразы. «Правда?» – говорила она.

- Мне хочется, чтобы ты меня целовал. Видишь, какая я искренняя? Я тебе честно скажу, только не смейся, мне очень хотелось там, на кровати, чтобы ты все сделал, что хотел сделать... Да не красней ты, умоляю! Но я не могла тебе позволить потому, что сама еще не

решила, и еще потому, что я очень обязана всем, даже жизнью, Марии Тихоновне. Я не могу обмануть ее доверия. Но я смогу переубедить ее, если она приготовила для меня другую участь.

Мне хотелось сказать: «Голубушка, девочка, твоя участь куда хуже, чем тебе кажется. И это не выбор мужчины, а выбор жизни или смерти».

- Сколько вас в клоне? – спросил я.

- Десять, – сказала Даша. – А почему ты спрашиваешь?

- И всегда было десять?

- Нет, сначала было пятнадцать. Пятеро уже устроили свою судьбу.

- Ты их видела после этого?

- Это же невозможно! Они в других городах и даже странах. Давай говорить о нас, а не о других.

- Я просто думал, где тебя искать, если тебя отдадут замуж в Австралию?

- Это шутка?

- Шутка.

- Ты слишком часто шутишь. Иногда я даже не представляю, верить тебе или нет. Ну, что ты придумал?

- Скажи, когда вы будете в следующий раз в бассейне?

- Сегодня среда? Значит, в субботу.

- Я не дотерплю!

- Еще как дотерпишь, – возразила Дашенька. – Но попрошу ни с кем больше на свидания не ходить.

- Слушаюсь, мой генераль!

- Я могу быть ужасна.

- Я чувствую.

- Можешь меня поцеловать.

- А обнять можно?

- Ваня, ну кончай свои шутки!

И мы целовались еще минут десять или двадцать, хорошо еще, что все ушли из бухгалтерии.

7

Когда я проходил мимо хирургии, мне захотелось снова взглянуть на того человека, но я не

успел этого сделать, потому что в коридоре меня поймал доктор Блох.

- Ну, ты молодец! - сказал он с улыбочивой угрозой. - Все с ног сбились - куда делся наш активист?

- Почему сбились?

- Кто-то не явился на ужин, при условии, что наши апартаменты куда как уступают Тауэру, никуда в них не скроешься. А вот ты скрылся.

Блох засмеялся.

Я боялся его куда больше, чем Григория Сергеевича. Вернее, главного врача я не боялся, а уважал. А Блох был недобрым.

- Ты хочешь, чтобы к тебе приняли меры? - спросил Блох. - И жить торопимся, и чувствовать спешим.

- Я в бассейн ходил, - сказал я. - В бассейн.

- Купался? Без плавок?

- Я смотрел. На девушек смотрел.

- И чего увидел? Вернее, кого увидел?

Я постарался не бояться. Я спросил, как будто ни в чем не был виноват:

- А где Григорий Сергеевич?

- Он давно тебя хватился. Иди в кабинет...

А когда я отошел, он повторил с издевкой:

- На девушек смотрел... Эстет!

Я хотел заглянуть к нам в спальню, потом решил - лучше не буду откладывать. Открою Григорию Сергеевичу правду. А может, не говорить правду? Может быть - как получится.

Григорий Сергеевич у себя в кабинете сидел за столом и разыгрывал задачку на шахматной доске.

- Голубчик, - сказал он. - Ты загоняешь себя в непроходимые моральные дебри. Ты подумал, что эту девочку завтра могут позвать на Голгофу? Или труба выкрикнет твое имя?

- Любой человек живет точно так же, - сказал я, словно говорил не я, а кто-то вдвое умней. - Начнется землетрясение...

- Не люблю философов, - сказал Григорий Сергеевич.

- Кто был моим отцом? Моим биологическим отцом?

- Излишняя информация.

Он закурил. Он курил через длинный металлический мундштук - в этом мундштуке было нечто

старомодное и неестественное, словно лорнет.

- Ты лишил ее невинности на койке в пустой палате? - спросил он.

- Я никого ничего не лишал.

- Жаль, - сказал доктор. - Значит, тебя плохо учили.

- А кто тот человек в палате?

- Палата пустая.

Мы говорили о разных палатах.

- Это не маршал Параскудейкин.

- Я его не знаю в лицо.

Мой доктор врал. Почему?

- Но спутать невозможно!

- Генерала сразу же увезли в центральный госпиталь Министерства обороны.

У его сигарет был особенный дурмящий запах. Григорий Сергеевич не курил вне своего кабинета.

- Надо будет взять тебя ко мне на дачу. Ты ведь никогда не ходил по грибы?

Я пропустил его слова мимо ушей.

- Позвольте мне видиться с Дашей, - попросил я.

- Сомневаюсь, что это разумно.

- Даже если мне суждено пожертвовать собой...

- Не преувеличивай своей роли. - Григорий Сергеевич пустил душистый дым мне в лицо, даже голова закружилась. - Ты ведь орудие справедливости.

- Но пока я жив, я могу любить, - взмолился я.

- Ты хочешь слишком многого. Ведь и ей никто не позволит играть с тобой в любовь.

- Я не согласен, - сказал я.

Я сдерживался, потому что не смел объявить доктору войну. И не был уверен, что меня поддержат братья. Вернее всего - нет.

- Я прошу вас, подумайте еще. - Голос мой был приниженным и даже умоляющим. Поверит ли он мне?

- Иди, - сказал Григорий Сергеевич, - еще не вечер.

Был глубокий вечер.

Пора спать.

Барбосы находились в спальне, они уже легли.

- Ты где был? - спросил Рыжий. - Ты ее нашел?

Я разделся, не зажигая света.

- Вы ему верите? - спросил я.

- А кому верить? - спросил Черный Барбос.

- Я не могу себе простить, что не поверил Алексею, - сказал я.

- Все знают, что ты на него настучал, - сказал Рыжий Барбос. - И они послали его вместо Олега. Все знают, что виноват ты.

- Я попался. Меня подставили.

- Как знаешь, - сказал Барбос.

- В палате маршала лежит другой человек.

- А что? - спросил Рыжий Барбос.

- Может, и здесь нас обманули?

- Зачем нас обманывать? - спросил Черный Барбос. - Мы же согласны.

- Мы заранее согласны, - сказал Рыжий.

Я лег, но не спал. Я знал, что попробую еще один ход. Может, получится. А может - нет.

8

Когда Мария Тихоновна пришла к себе в кабинет, как раз пробило восемь.

К тому времени я просидел за шторой в кабинете три часа. В пять я вышел из нашего отделения. Это лучшее время. Даже охранники спят.

Если не разбудишь дежурную сестру, то в любое место Института можно пройти незамеченным.

А кабинет Марии Тихоновны находится в углу второго этажа, высокого, старинного, но все равно только второго. И если вылезти на широкий карниз из женского туалета, то через три минуты ты в кабинете, при условии, что окно не заперто.

Окно было открыто.

Когда она вошла, то сразу уселась за письменный стол и включила компьютер.

Я вышел и издали, чтобы не испугать, тихо сказал:

- Извините, Мария Тихоновна, не сердитесь на меня.

Она вела себя, как героиня американского фильма.

- Ты один из юношей Григория Сергеевича? Прости, но я вас не различаю.

- Меня зовут Иван, Ванечка.

- Вспомнила. Ты влюбился в мою Дашу. И вчера украл ее из бассейна, за что она сегодня наказана. Мне нужно обследовать ее?

Я не сразу сообразил, что она имеет в виду, и облик у меня был, наверное, глупый, потому что Мария Тихоновна рассмеялась и сказала:

- Между вами не было ничего платонического, только если очень увлекались.

- Василий Аксенов, - сказал я. - Кажется, «Затоваренная бочкотара».

- Ты читал?

- Не знаю. Может, мой отец читал.

- Господи! Если бы не эта чертова бедность! - воскликнула Мария Тихоновна. - Вас надо изучать, как новые планеты! Это же удивительные случаи генетической наследственной памяти! Мы обращаемся с вами, как будто колом орехи паровым молотом.

- Вы знаете, что Григорий Сергеевич все нам рассказывает?

- У нас с ним разные принципы, - сказала Мария Тихоновна.

У нее было круглое розовое и доброе лицо. И волосы она не красила, потому что ближе к вискам была видна проседь. Впрочем, брюнетки раньше седеют.

- А кто наш отец? - спросил я.

- Вряд ли тебе это пригодится. - Мария Тихоновна ушла от ответа.

- Я пришел к вам с просьбой, - сказал я.

- Знаю. Ты будешь сейчас просить меня, чтобы я, вопреки мнению Григория Сергеевича и повелению дирекции, разрешила вам с Дашей встречаться.

- Ведь мы же люди! - взмолился я. - Люди, а не подопытные кролики.

- Вы - подопытные люди.

- Разве вам не стыдно?

Мария Тихоновна удивилась.

- Гриша говорил мне, что его метод дает замечательные результаты. Если надо взрезать вены, вы всегда это сделаете сами ради жизни на Земле. Он прав?

- Вчера был случай, - сказал я. - Леша, Алексей, один из нас, был не согласен. Он стал спорить. Он стал говорить, что Григорий Сергеевич получает деньги за наши органы.

- Он это говорил доктору?

- Он говорил это мне. А я передал доктору.
- Святая простота. Знаешь, кто такая - святая простота?
- Она... кажется, она кидала хворост в костер?
- На костре был Ян Гус, это были его последние слова.
- Вы уже догадались?

Пальцы Марии Тихоновны летали над клавишами. По дисплею компьютера побежали строчки.

- В последний момент пришлось заменить донора, - прочла она. - По медицинским соображениям.
- Так раньше не было.
- Раньше и не бунтовали. А это опасный сигнал. Идеальная система вашего доктора пошла трещинами.
- Можно мне встречаться с Дашей?
- Я бессильна помочь тебе.
- Тогда я пойду сам!
- Далеко не уйдешь. Тебя выдадут твои же братья. Тебя не пустит охрана, ты полностью во власти... в нашей власти.

Когда она сказала последние слова, ее лицо исказила презрительная гримаса.

Вдруг она, опираясь на ладони, поднялась над столом, словно ей было невмочь поднять тяжелое тело.

- Не исключено, - сказала она, - не исключено, что сегодня или завтра может быть принято решение - нам понадобится одно сердце. К нам поступает Травиата.
- Какая Травиата?
- Певица, эстрадный идол.
- Сама Травиата!
- Даже ты знаешь.
- Но почему Даша? Вычеркните ее!
- Я постараюсь это сделать. Но именно ваш с Дашей вчерашний поход в пустую палату и побудил Григория Сергеевича выбрать из моих девочек именно ее. Так он бережет невинность своего клона.
- Вы шутите? Этого не может быть!
- Я вообще не умею шутить, Ваня.

- Я тут же скажу ей!

- Прошу тебя, не надо этого делать. Ради тебя самого.

- Почему?

- Она уверена: все, что мы делаем, совершается ради ее блага и блага других девочек. Ради приплода, выведения новой людской породы... Я шла на то, чтобы девочки гибли. В конце концов наш Институт создан, чтобы спасти лучших людей нашей страны. Что мы и делаем.

- И вы всегда об этом знали?

Нет, у нее не такое уж и доброе лицо.

- Ради некоторых этических и даже политических проблем приходится идти на жертвы. Наверное, молодому человеку, который зарубил альпенштоком Троцкого, тоже являлись кошмары. Но он просидел в тюрьме, потом получил звание Героя Советского Союза.

- Меркадер, - сказал я.

- Может быть, не помню. Ты перестань в конце концов тыкать мне в лицо своей эрудицией.

- Так вы готовы обрекать девушек на смерть?

- Просто девушек ради великих людей. Есть понятие ценности для коллектива, для страны... Как выйдешь из моего кабинета, поверни направо. Сейчас ты не сможешь ее увидеть - подъем, зарядка и так далее. Ровно в три, в мертвый час, будь в той, вчерашней палате.

- Спасибо!

- Рано благодаришь. Я не знаю, будешь ли ты благодарен мне завтра. Теперь уходи. Меньше всего я хочу, чтобы тебя здесь увидели. И учти, если ты проговоришься хоть одной живой душе, у меня будут неприятности, а тебя сразу отправят в прозекторскую.

Я пошел было к себе, но не удержался и от двери обернулся, как оборачивается детектив Коломбо, и спросил:

- Я видел другого человека, а на табличке написано, что там маршал. Это ошибка?

- Считай, что ошибка, - сказала Мария Тихоновна. - Ошибка воспитания. Наш Институт, как ты знаешь, не богат. Иногда появляются коммерческие больные. В редчайших случаях. Когда речь заходит об астрономических суммах. По крайней мере твой кумир Григорий Сергеевич кладет эти деньги не в карман, вернее, преимущественно не в свой карман.

- Они оперировали другого человека?

- Маршал неожиданно скончался за час до операции. Другой пациент тоже достоин операции. Это крупный банкир из Средней Азии. И я уверена, что он не менее ценная фигура для страны, чем один из полусотни маршалов.

- Нет! Что вы! - возмутился я. - Он же герой. Он вывел наши части из Афгана.

- Я преклоняюсь, - сказала Мария Тихоновна. - Однако тебя прошу уйти немедленно. И бегом. Ну!

И я поспешил к себе. Я как раз успел к подъему.

Если кто и заметил мое отсутствие, так только Барбосы, но они железные молчуны.

Мы умылись, сделали зарядку, прошли утренние процедуры, занялись своими делами...

Мне надо было дождаться мертвого часа.

И забыть наконец, что есть на свете певица Травиата! Да знаю я ее! Рот до ушей, глаза - тарелки и разные парики. Неужели у такой пигалицы больное сердце?

Да забудь ты о ней... это все пустые слова, Мария Тихоновна пугала меня.

9

В этот день мы лишились Володички.

Это на нас плохо подействовало.

Ему помогла умереть Лена. Она не отрицала, что сделала ему укол. Только уверяла начальника службы безопасности Института, что давала обезболивающее, но ее позвал кто-то из мальчиков, она забыла кто. А шприц оставила на тумбочке. И Володя заменил в шприце жидкость.

Мы подслушивали из перевязочной, там когда-то в стене был сейф с наркотиками. Потом сейф убрали, нишу заставили шкафом, а кто-то из наших ее отыскал. За стенкой был кабинет Григория Сергеевича.

- Вы подозревали, что такое может случиться?

Начальник службы - отставной полковник из органов. У него узкое скучное лицо, словно он до своего докопается, а вообще-то ему все равно, докопается он или нет.

- Он ждал такого момента, - сказала Лена. Мы не видели ее лица, но по хриплому голосу было понятно, что она долго плакала. - Он бы все равно это сделал. Он так мучился.

- Вы не использовали обезболивающие? - спросил полковник у доктора.

- Мы не хотели вторгаться в функции организма. Он мог еще послужить донором.

Лена заплакала.

- Ну, успокойтесь, успокойтесь, - сказал полковник. - Надеюсь, что служебное расследование установит вашу невиновность.

- Он больше не мог ждать, - всхлипнула Лена.

- И это тоже лишь рассуждения, - сказал Григорий Сергеевич. - Володя был замечательным, мужественным человеком, он нес свой крест достойно, и нечего его оплакивать.

- Даже кошку оплакивают, - возразила Лена.

- Нам придется расстаться с вами, - заявил доктор.

- Я и сама хотела подать заявление об уходе, - сказала Лена.

- Разумеется, с подпиской о неразглашении, - напомнил полковник.

- Хоть десять расписок! - крикнула Лена.

Нам было слышно, как она пробежала по кабинету, как хлопнула дверь.

- Ты куда? - спросил Василек у Рыжего Барбоса. Тот оставил дверь в коридор открытой. И всем было видно, как он перехватил Лену в коридоре у двери.

- Лен, - сказал он. - Не уходи. Ты понимаешь, что тебе нельзя уходить?

- Они меня не оставят, - ответила Лена, как будто ждала этих слов Рыжего Барбоса. - Они меня уберут.

- Из Института? - спросил Черный Барбос, который, конечно же, вылез в коридор за Рыжим.

- Вообще уберут, - сказала Лена.

Я тоже увидел ее от дверей. Лицо ее распухло, а глаза сделались красными.

- Мы тебя не отдадим! - воскликнул Рыжий Барбос.

- Молчи! Ты меня совсем погубишь. - И Лена кинулась бежать по коридору.

Я метнулся обратно к нише, мне хотелось узнать, о чем они говорят. Но речь шла не о Лене. Полковник сказал:

- Я его паспорт вам принесу, чтобы заключение о смерти написать.

- А что писать?

- Как будто не знаешь, доктор. Остановка сердца, диабет. Ну, что ты там обычно пишешь.

- Хорошо, - согласился Григорий Сергеевич, - я буду у себя.

- Ты не расстраивайся, - сказал полковник. - Новых настругаешь.

- Иди уж, - сказал доктор. - Глаза б мои тебя не видели.

- Разбегайся! - сказал я братьям.

Барбосы влетели в перевязочную и закрыли за собой дверь.

- У нас есть паспорта, - сказал я. - Вот никогда не видел.

- А что мы, не люди, что ли? - заметил Василек.

- Это Ленка сделала? - спросил Рыжий Барбос.

- Конечно, Ленка, Володичка так просил ее, - сказал Василек.

- Почему? - воскликнул я. - Раньше ведь не просил.

- Ленка узнала, что для него готовят операционную. Его глаза понадобились.
- А я не знал, - сказал я.
- А ты за своей телкой бегал, - процедил Василек. - Скоро совсем забудешь, как мы живем.
- Не завидуй, - посоветовал я. - Чему тут завидовать?
- Чему? Ты лучше знаешь. - Василек был недоволен.

Хотя не знаю чем.

- А тебе кто мешал бегать? - спросил его Рыжий Барбос. Барбосы мне ближе других, может, потому что живем в одной палате.

Потом я пошел в столовую посмотреть на часы. Время двигалось слишком медленно.

10

В три я был в пустой палате.

Знаете, чем я занялся? Стал искать телеглаз. Наблюдают или нет? Я знаю, что наблюдение идет далеко не во всех палатах, потому что у Института на все не хватает денег. И куда они деваются, догадаться трудно. Слишком много вариантов.

Вроде ничего нет. Просто пустая палата.

Если бы я нашел тележучка, значит, Мария Тихоновна сговорила с моим врачом, и тогда вся ее доброта - ловушка.

Но тележучка не было.

Или я плохо искал.

Я лег на койку, на ту же самую, и мне казалось, что на ней остался запах Дашки.

Я слышал, как по коридору изредка проходили люди. И ждал, что шаги остановятся перед дверью.

Но дверь открылась неожиданно. Оказывается, Дашка была в тапочках, подошла беззвучно.

Она надела платье.

Под мышкой она держала сверток.

- Я уж думал, что ты не придешь, - сказал я.

- Помолчи, - ответила Даша.

Она закрыла за собой дверь и кинула сверток на койку. Я приблизился к ней, но не посмел дотронуться. Она тоже смутилась.

Оттолкнула меня и подошла к окну. Окно было забрано вертикальными прутьями.

- Меня сегодня отпустили на два часа, - сообщила Даша. - С чего вдруг?

- Я вчера был у твоей Марии Тихоновны.
- Как странно. А почему она меня отпустила?
- Она не согласна с Григорием Сергеевичем.
- Она решила нам помочь?

Сегодня Даша была совсем другой. Вчера она следовала за мной, она была девочкой, пустившейся в шалость.

- Ты недовольна?
- Рискованно было идти к Марии, - сказала Даша. - Ты ведь ее не знаешь. Ее никто не знает.
- Другого выхода не было, - оправдывался я. - Куда деваться? Я же хочу тебя видеть!
- Я боюсь, - сказала Даша. - Мне кажется, что это - ловушка.

Я понимал: все это не просто ловушка. Если бы Даша могла понять, в чем ее жизненная функция, она бы поняла и позицию Марии Тихоновны. Но Григорий Сергеевич прав: нельзя сказать любимой девушке, что она - набор органов для трансплантации. Просто набор органов до востребования. Она бы не поверила и первым делом возненавидела меня.

Я подошел к ней сзади.

Я взял ее за плечи. Она чуть откинулась назад, и я ощутил тяжесть ее тела.

Я поцеловал ее в затылок. Он был теплый, а ниже на тонкой шее были завитки прядей, которые не уместились в хвостике.

Я повернул Дашу к себе.

Она поцеловала меня. Долго-долго.

Я снова начал терять голову, моя рука накрыла ее грудь и сжала ее.

- погоди, - сказала Даша. - Закрой дверь.
- Разве она закрывается?
- Я не хочу, чтобы кто-то вошел.

Сегодня она командовала мною и не скрывала этого.

И во мне росло сладкое желание подчиняться Дашке.

Я закрыл дверь на задвижку. Даже странно, что там оказалась задвижка - в палатах не делают запоров.

Даша развернула большой сверток, что принесла с собой.

С ума сойти!

В нем были простыни и одеяло. Честное слово.

Она ловко взмахнула простыней, та расправилась и легла на койку. Даша стала заправлять край простыни, а мне велела упрятать одеяло в пододеяльник.

Мы с ней устраивались спать.

- Напротив есть туалет, ты не видел? - спросила Даша. Она сняла с хвостика резинку, и волосы рассыпались по плечам.

- Пойди ополоснись, - велела она. Я послушался ее. В туалете висело чистое полотенце, и на краю раковины обнаружился кусок мыла.

- Это ты принесла? - спросил я.

- Да. Раздевайся, - сказала Даша, - я скоро вернусь.

Она убежала в туалет.

Я медлил. Неловко раздеваться днем, в чужой палате. Так не делают. По крайней мере так не делают взрослые люди, оставшись наедине с девушкой. Это неприлично.

Я не знаю, откуда я взял, что это - неприлично.

Я сидел и ждал ее.

Я чувствовал, как бежит наше время.

Она вернулась в халатике, волосы были мокрыми спереди, в палате чуть пахло карболкой, сквозь полузадвинутую выцветшую занавеску пробивались солнечные лучи, и в них колебались тысячи пылинок.

- Ты не разделся?

- Нет. - Я вдруг обиделся на нее. Подчинялся, подчинялся, а тут обиделся. - Я не знаю, зачем мне надо раздеваться.

- Так надо! Чтобы было все, как у людей, а не по-собачьи.

Она подошла ближе и встала между мной и окном. Солнце подсвечивало ее волосы, и они были окружены золотым ореолом.

Ее голос дрогнул, потому что она не ожидала такого от меня и, видно, сама не была уверена, что поступает правильно.

- Тебе так приказали? - спросил я.

- Мне никто ничего не говорил.

- А где простынки выдали?

- Я сама взяла у сестры. А если ты имеешь в виду Марию Тихоновну, то мы с тобой должны быть ей благодарны. Конечно, сестра не дала бы мне простынок, если бы Мария не подсказала. Теперь ты доволен?

- Дашка, - сказал я, - ты мне очень нравишься...

- Но иначе?

- Иначе. Может, нам с тобой нельзя будет встречаться...

- Я тоже об этом думала. И поэтому тебя совсем не понимаю. Убей, не понимаю. Я так хотела, чтобы лучше...

- Но мы с тобой не женимся?

- Почему? В этом цель моей жизни, - заявила Даша. - Моя цель - родить ребенка и делать все, чтобы моему мужчине было приятно. Может, другие хотят делать приятно многим мужчинам или многим детям, но ведь разница только в количестве? Наверное, я очень глупая, но мне хочется жить вот так! И ты первый мужчина, который мне так понравился, что я захотела тебя пустить внутрь!

Она шлепнула себя ладонью по животу, и это был детский жест, вовсе не связанный с любовью.

Наверное, все, что она говорила, было правильно.

Но я понимал: она несет эту чушь, потому что на самом деле совсем неопытна и не знает, как себя вести. И, вернее всего, ее научили, как надо себя вести. И даже, может быть, ей сейчас в тысячу раз страшнее, чем мне.

Я все это понимал, но страшно злился. И даже объяснить не могу, почему я разозлился на ее слова.

А может быть, я и сам испугался. Как будто человек идет на какую-то страшную жертву ради твоего удовольствия, а ты должен эту жертву принять, а потом тебе станет стыдно.

- Давай лучше поговорим, - предложил я.

- Ты не хочешь, чтобы я стала твоей женой?

Она отступила на два шага, там оказалась незастеленная койка, и Даша опустилась на нее - поднялась пыль, страшно заскрипели пружины. Она вскочила, перепугавшись, и крикнула:

- Ну вот! Ты во всем виноват!

Край халатика попал в ржавую пружину, Даша рванулась, как из пасти злой собаки, халатик затрещал и разорвался.

Я кинулся ей на помощь, хотел освободить край халатика, но девушка со всего маху ударила меня по щеке.

- Уйди! Это все из-за тебя, дурак! - кричала она. - Это же не мой халатик! Мне его Машка дала! Что теперь будет, что теперь будет!

Даша стала быстро собирать с постели простыни, сорвала наволочку с подушки и быстро свернула белье в скатку, потом подхватила сумку, платье, все падало у нее из рук, как у клоуна на арене, который таким образом смешит зрителей. Мне было совсем не смешно, но и останавливать ее я не стал - что бы я сейчас ни сделал, она все равно еще больше рассердится.

- И как я могла! - повторяла Дашка. - Как я могла быть такой душой, не подходи ко мне!

Я не подходил и молчал, чем еще больше ее злил.

В конце концов – хотя прошло-то, наверное, не больше минуты – она собрала в охапку все свое добро и кинулась к двери. Еще несколько секунд она воевала с задвижкой, потом вылетела в коридор и почему-то заявила оттуда:

- Никогда!

Кажется, так говорил ворон в стихотворении Эдгара По.

Невермор!

11

Я не хотел возвращаться в наше отделение.

Мне все было противно.

Потому что жизнь прошла и кончилась неудачно. Надо было сказать Даше, каких мужей и детей подготовила ей судьба в лице очаровательной Марии Тихоновны. Но жалко человека.

А меня кто пожалеет?

За последние два дня я преодолел в себе страх перед Институтом. Меня воспитали таким робким: за пределы отделения – ни-ни! Нечего нам там смотреть. Мы – супермены, мы – герои! Паспорта? Какие еще паспорта? Мы живем в центре мира и не желаем его по пустякам покидать.

Здорово нас воспитывал Григорий Сергеевич!

Я поймал себя на том, что готов занять место скептика Лешеньки.

Значит, не так уж глубоко мы были кондиционированы, если я стал другим в считанные часы.

Теперь я уже не боялся.

Я не спеша шел по коридору. Не таясь, заглянул в палату к маршалу.

Рядом с ним у приборов дежурила молоденькая, не знакомая мне сестра.

- Как его фамилия? – спросил я, будто мне положено было задавать такие вопросы.

- Господин Муслимов, – пискнула сестра. – Акбар Махмудович.

- Правильно, – сказал я. – Коммерческий пациент?

В палате было полутемно, чтобы свет не мешал реципиенту.

- Я не знаю, – сказала сестра. – Спросите у завотделением.

- Спасибо, – кивнул я.

И сразу исчез, чтобы не отпечататься в ее памяти. Впрочем, это уже не так важно.

В следующей операционной горел яркий свет.

Дверь приоткрылась, и, когда оттуда выходила хирургическая сестра, я увидел в щель самого Костандиева – ведущего хирурга. «Он – господь бог трансплантации, – сказал как-то про него Григорий Сергеевич. – Он берется только за сложнейшие операции».

Что случилось?

Неужели «Наутилусу» суждено лишиться еще одного матроса? Кто из нас? Почему мне не сказали?

Я поспешил в отделение.

Только не я!

Я испугался?

Да, я испугался. До сегодняшнего дня мне было все равно – умереть или жить. Лучше погибнуть настоящим самураем. А теперь я хочу жить?

Я очень хочу жить.

Я буквально ворвался в наше отделение.

На табуретке возле кладовки сидела, скорчившись, санитарка Оксана. Она тихо плакала, и ее узкие плечи крупно дрожали. Я даже не сразу ее узнал.

- Ты что? – спросил я.

- Иди, дурачок, иди, – ответила она не сразу.

Что еще случилось?!

Должно было что-то случиться. Мой мир начал рушиться, а я ехал верхом на лавине и знал, что в любой момент она накроет меня с головой.

- Ленку жалко!

- Кого?

- Ленку нашу.

- Что случилось?

- Под машину попала.

- Когда?

- А как «бегунок» оформила, вышла, и тут же на улице, перед больницей... И сбежал, гаденыш. Даже номера никто не запомнил! Ну кто на такой скорости по центру ездит? Их же вешать надо!

Только что, утром, она говорила с доктором. Ее уволили.

И сразу погибла?

И никому ничего о нас не расскажет?

Я хотел, чтобы она рассказала?

Да, оказывается, я этого хотел. В глубине души я надеялся, что Лена не станет молчать. Ведь если она сделала Володичке укол, она уже решилась.

Ребята собрались в нашей спальне.

Десять человек.

Нас осталось всего десять... Десять негритят резвились на просторе. Один из них утоп, ему купили гроб...

- Ты про Ленку слышал? - спросил Рыжий Барбос.

- Оксана сказала. Для кого готовят операционную?

- Готовят? - Я их удивил. Они об этом не слыхали.

Василек сказал:

- А ты, Иванушка, сходи к своему доктору. Ты же с ним дружишь! Он тебе и скажет: нужна нам головка Рыжего Барбоса.

- Помолчи! - рассердился Барбос.

- Я не дружу с доктором, - отрезал я. - Я ваш брат.

- А я уж начал сомневаться, - сказал Василек.

- Не лезь к Ваньке, - сказал Черный Барбос. - Будем между собой кусаться, им легче будет нас сожрать. Они же бессовестные.

Кто-то должен был первым сказать такое слово.

Слово упало, как камень.

Но не разбилось.

Только пол прогнулся.

- Они Ленку убили, - сказал Костик.

- Может, случайность, - засомневался Барбос. - Она отвыкла ходить по улице. Все-таки год на казарменном положении.

- А они разве не выходят? - спросил Василек.

- Мне кажется, что только доктора могут выходить. Но точно не знаю.

Мне хотелось повеситься. Сначала Дашка с ее глупой свадьбой, потом Лена, да к тому же собственные братья относятся к тебе как к врагу.

- Для кого же готовят операционную? - подумал вслух Василек. - Может, ты, Иван, сходишь? Спросишь?

- Ну почему я?

- Не обсуждается, - заявил Костик.

Я пошел в ординаторскую. А почему я должен стесняться? Речь идет о нашей жизни.

До ординаторской я не дошел, потому что в коридоре сразу встретил доктора Блоха.

Он брел, глядя под ноги. И чуть пошатывался.

- Простите, - сказал я. - Для кого готовят операционную?

Он не ожидал услышать мой голос и не увидел сразу. Его шатнуло, и он оперся ладонью о стену.

- Операционную? Мне не доложились. Но думаю, что не для нас. Спроси Ленку.

- Что вы говорите! - испугался я. - Лена же погибла.

Оказывается, он об этом не знал.

- Ладно, - сказал он, - шуточки. - И бессмысленно улыбнулся.

- Лену убили, - сказал я.

- Лену убить нельзя. Убивать плохо. Не мели чепуху.

- А нас убивать можно? - спросил я.

- Кого вас? - Доктор отпустил стену, но, видно, она стала валиться на него, потому что он пошатнулся и повис на мне. От доктора пахло плохими мужскими духами. Ботинки были нечищены. Раньше я не обращал на это внимания, я вообще на Блоха обращал внимание только в отсутствии кумира.

- Разве я - не человек?

- Ты?

Эту задачку Блох был не в силах решить. Но его мучила мысль...

- Ленка, ты говоришь? Она где?

- Ее убили. Полковники убили, - сказал я.

- Нет никаких полковников.

- Полковники убили, - услышал я за спиной голос Костика. - Мы больше знаем, чем нам положено.

- А мне, - сообщил нам Блох, - все это надоело. Вы не поверите!

Говорил он с трудом.

- Слушайте меня внимательно, - сказал я, прижав его к стене. За моей спиной стоял Костик. И это было хорошо. Он лучше умел выражать мысли. Я был талантливым, а он умным. В пределах

одного клона.

- Слушайте! Ответьте на один вопрос. Только на один. Для кого готовят операционную?

- Это не маршал, - доверительно сказал Блох. - Это большие деньги. Так что ваш Лешенька погиб зазря. А я уйду.

- Никуда ты не уйдешь, - остановил его Костик. - Лена уже пыталась уйти.

- Для кого готовят вторую операционную? Для кого из нас?

- Для кого из нас? - тупо повторил Блох.

И тут подошел заведующий отделением.

- Отпустите его, - сказал Григорий Сергеевич. - Вы совершенно распустились.

Непонятно было, к кому относился последний упрек.

Но в его голосе было столько власти, что даже Блох протрезвел. Отпустил стену и выпрямился.

- Тебя, Иван, интересует, для кого предназначена вторая операционная? Для этого совсем необязательно мордовать лечащего врача. Я предупреждал тебя, Иван, что твои приключения закончатся плохо. Эта операционная не имеет отношения к вашему клону. И немислимо подозревать меня в том, что я могу что-то утаить от вас. Эта операционная готовится для девицы, которая пишит на сцене под нелепым псевдонимом Травиата и которой месяц назад президент вручил орден «За заслуги перед Отечеством». Потому что она - национальное достояние Федерации.

- Травиата? - В моем голосе, видно, прозвучало столько всего, что Костик тревожно спросил:

- Ты чего, Ваня?

- Надеюсь, тебе есть о чем подумать, Ваня, - сказал Григорий Сергеевич.

Он протянул длинную руку, схватил за плечо своего помощника и повлек к ординаторской.

- Вы хотите сказать?.. - спросил я.

- Именно это я и хотел сказать.

- Но этого быть не может!

- Поверь мне - это решение ученого совета. И я не в силах его изменить. Завтра операция.

- Мне надо вам все объяснить!

- Ой, только не это, - раздраженно бросил доктор. - Мне все это ужасно надоело.

- Ему надоело! - Блох поднял палец к потолку. - На-до-е-ло!

Григорий Сергеевич потащил Блоха по коридору и, когда спиной почувствовал, что я все-таки иду следом, крикнул, не оборачиваясь:

- Я тебе не помогу! Уйди! Я с тобой вообще разговаривать больше не желаю!

Доктора исчезли за дверью, а Костик удержал меня за локоть.

- В самом деле, пустой номер. А что, твою красотку принесут на алтарь отечества?

- А она, дура, думает, что ее готовят к счастливому браку.

- Браки заключаются на небесах, - заметил Костик.

У нас у всех вместо чувства юмора получилось чувство иронии.

- Там совокупятся ваши физиологически неполноценные души, - закончил он сентенцию.

- Души не бывают неполноценными, - возразил я.

- Что будешь делать? - спросил Костик.

- Думаю.

- Думай скорей. Ужин близится.

- Она решила, что мы с ней должны пожениться, - признался я. - И ей Мария Тихоновна разрешила. Значит, их главврач уже знала, что Дашку выбрали. Назначили на операцию.

- Сердце?

- Сердце.

- Сволочи!

Клон на глазах терял лояльность к власти. Это было плохо для власти, но куда хуже для клона.

- Мы становимся людьми, - сказал я.

Костик кивнул.

- Я пойду к Марии Тихоновне, - заявил я.

- И ничего не добьешься.

- Я скажу ей, что если они не остановятся, то я уйду в город, у нас ведь даже паспорта есть.

- В охране, у полковника, а он скажет, что тебя не существует.

- Но вы-то меня поддержите?

- А не проще им будет нас усыпить - и в мусоросборник?

- Через пять минут здесь будет полно охранников.

- Я побегу к своим, - сказал Костик. - Мы постараемся закрыться. И будем думать. Тем более что многих придется убеждать. Ведь у нас один добрый всемогущий бог - Григорий Сергеевич.

- Я еще вчера был его рабом... И погубил Лешеньку.

- Лешеньку погубил его язык. Беги, пока не поздно. Только не к врачихе. Лучше постарайся

проникнуть к ним в клон и рассказать девочкам, какая на самом деле их ожидает семейная жизнь.

Он толкнул меня в сторону хирургии.

И убежал к спальням.

Так началась война клона и людей. Хотя, разве это война...

12

Он еще не успел скрыться с глаз, как я уже сообразил, куда пойду.

Туда, где меня не будут искать. Никто не подумает, что я смогу туда направиться.

Я быстро прошел по коридору между операционными. Там уже было людно, но никаких сигналов еще не поступало. Наверное, охране было приказано изъять меня без шума.

Они опасались лишних свидетелей. Возможно, в бригаде хирургов были люди, которые не подозревали, что чужие органы попадают в наш Институт не случайно, а выращиваются вместе с людьми.

Ах, как много было болтовни по поводу появления на свет овечки Долли! Клонирование опасно! Клонирование ужасно! Не ходите, дети, в Африку гулять! Так будут создавать солдат!

Пока что солдат создавать нерационально, потому что ценность нынешнего солдата определяется не его мышцами, а знаниями, которые передать клону сразу не удастся. Может, когда-нибудь научатся, и тогда сперма полковника «N» станет продаваться на международных рынках по цене бриллиантов. А пока оказалось, что деньги под клонирование можно получить, если клон тоже будет платить за право существовать.

Я дошел до боксов.

Прошел мимо палаты с маршалом, который оказался другим. Возможно, старшим лейтенантом запаса, не более того. А вот в одном из дальнейших боксов должна лежать, и ее готовят к операции, сама певица Травиата, кумир толпы.

Я отыскал ее бокс.

По оживлению вокруг нее, по суете, закрывающей мне путь внутрь.

Напротив и чуть наискосок была кладовка.

Такие кладовки появляются в нужном месте и в нужный момент, чтобы герой авантюрного романа мог в них спрятаться и дождаться того момента, когда коридор опустеет.

Так случилось и со мной. В конце концов я и есть герой авантюрного романа.

Напротив палаты, в которой поместили Травиату, и чуть наискосок был стенной шкаф, где хранились щетки, швабры, пылесос, банки с краской от какого-то из последних ремонтов и еще масса ненужных вещей, которые не давали возможности уютно устроиться, но по крайней мере помогли мне укрыться от преследования. Охрана отчаянно искала меня по закоулкам нашего отделения, перевернула все у женщин, в бассейне – где только они не рылись! Даже в кабинетах врачей, но вот хирургическое отделение, особенно тот отсек, который был выделен

для завтрашней операции, казался им бесперспективным.

Я даже соснул немного. Потому что суета в коридоре никак не утихала.

Движение времени было для меня условным.

Я вылавливал какие-то мгновения, но точно о его течении не знал. Например, уже глубоко вечером в коридоре остановились две сестры, одна из них уходила домой и стала говорить товарке, что спешит, потому что боится опоздать на метро. Метро, я слышал, закрывают за полночь. Я пытался считать, вспоминал стихи, дремал...

Наконец я убедил себя, что пора идти.

Позже Институт уже начнет просыпаться.

Тело мое, хоть и затекло, умоляло меня еще повременить, ему так не хотелось решений и поступков.

Я вылез.

Постоял, готовый в любой момент нырнуть обратно в чуланчик.

Никого. Даже в концах коридора никого.

Я медленно открыл дверь в палату.

На обыкновенной койке лежала обыкновенная девушка.

Она была совсем не похожа на ту Травиату, которую я видел по телевизору и в журналах.

А похожа она была на Дашу.

Волосы прямые, русые. А почему она блондинка на сцене? Лицо бледное, скорее миловидное, но не более того.

Она была подключена к капельнице, за кроватью стояли мониторы – видно, они хотели перед операцией знать все, что происходит у нее внутри.

Я подошел к кровати.

Кровать была высокая. Куда выше той койки, на которой мы чуть было не поженились с Дашей.

Когда я подошел к ней, Травиата открыла глаза.

- Я не сплю, - сказала она. - Извините. Я знаю, что нужно спать, но ничего не получается.

- Это хорошо, - сказал я. - А как тебя вообще зовут?

- Вообще? Полина.

- А в самом деле?

- И в самом деле... Лариса, а что, не нравится?

- Нормально.

Она устало прикрыла глаза.

Я смотрел на нее и думал: ну ничего в ней особенного, тем более того, что показывают по телевизору. Даже имени у нее своего нет.

- Дышать трудно, - сказала она, приподняла слабую руку, показала на монитор. - Видишь, как прыгает?

- Вижу.

- Мне должны операцию сделать, - сказала она. - А сейчас состояние стабильное.

- А что у тебя?

- У меня врожденный порок, а недавно в нем что-то случилось, и у меня уже клиническая смерть была, честное слово!

Она же совсем еще молодая!

- Мне сердце будут пересаживать, - сказала Травиата. - Интересно, я завтра могу проснуться, а могу и не проснуться. А ты тоже здесь лежишь?

- Нет, - сказал я. - Я здесь работаю.

- А ты садись, - предложила Травиата. - Посиди со мной. Я сестру отпустила поспать. Представляешь, она призналась, что на свадьбе гуляла у подружки и совсем не спала. А сказать никому нельзя - выгонят. Смешно?

У Травиаты был южный говор, она даже ударения ставила неправильно.

- Ты с юга?

- Не, - сказала она, - с Краснодара. А ты?

- Я здешний.

- А я Москву не люблю, - призналась Травиата.

Я понял, что мне хочется говорить с ней и, может, даже подружиться. Хорошая девочка, нормальная. Но у меня совсем мало времени.

- У меня здесь квартира есть и коттедж в Барвихе. Я маму сюда хотела привезти, а она не поехала. У нее там хозяйство. Я ей говорю: на фига тебе хозяйство. А она мне говорит: ты лучше мне материально помогай, а я буду в банк деньги ложить. А то пропадет твой голосок, на что жить будем? Смешно?

Я пожал плечами.

- Ты замужем? - спросил я.

- А ты разве не читал в журналах? Ну, ты смешной. Я же разошлась. Он миллионер, такие букеты мне приносил! Но я в кино решила устроиться, а он стал к режиссеру ревновать, дурачок какой-то, у нас ведь за все платить надо.

- Ты с какого года?
- Я уже не молодая, но только кажусь молодой. Мне скоро двадцать два. А ты чего спрашиваешь?
- А моей девушке восемнадцать, - сказал я.
- Смешно! Когда мне восемнадцать было, кто меня знал? В самодеятельности выступала.
- А ты знаешь, откуда тебе сердце возьмут?
- Ой, я думала об этом! Честное слово, думала. Я думала, а вдруг это мужское сердце, тогда у меня волосы будут расти! Ужас какой-то! Или плохой человек. Я не переживу.
- Но ведь не откажешься?
- Тебя как зовут?
- Иваном.
- Ваня, а ты бы отказался? Я так жить хочу!
- Только ты одна жить хочешь?

Она не совсем поняла мой вопрос, закрыла глаза, лоб у нее был мокрый, она устала. Я взглянул на монитор. Сердце ее билось чаще, но мельче.

- Мое искусство миллионам людей нужно, - сказала она наконец. - Ты не представляешь, как меня все любят! Я сознание вчера потеряла на сцене, говорят, некоторые хотели покончить с собой, а сюда меня перевезли по личному указанию министра здравоохранения. У него мое дело на контроле.

- Так тебе не сказали про сердце?
- Я же тебе говорю, что мандражу! - В голосе возникла и умерла визгливая нотка. - Иди, я спать буду. В меня столько накачали наркоты, даже удивительно, что я с тобой разговариваю.
- А я знаю, чье сердце.

Когда я сказал эту короткую фразу, мне сразу стало легче, как Цезарь, перешел Рубикон. Теперь можно расправиться с сенаторами.

- Что ты говоришь, Ванечка?

Как женщина, она почувствовала по моему тону: дело плохо.

- Я люблю эту девушку.
- Ты любил ее? Ужас какой-то. Она умерла, да?

Я не смог ответить, а воображение певицы вдруг понесло ее:

- А твоя девушка красивая, да, добрая? Ой, как хорошо! Мне повезло, в натуре. А я так боялась... А что с ней, под машину попала?

- Она живая, - сказал я. - И даже не знает, что завтра умрет.

- Кончай хохмить!

Ее сердце екнуло, и монитор показал лишний пик.

- Я не шучу. Стал бы я шутить. Подумай - здесь и сейчас. Разве это место для шуток.

- Тогда хоть объясни!

- Ты про клон слышала? Про клонирование?

- Овечка Долли, да? Мне Крутой предлагал такой псевдоним взять, а ребята освистали. Это пускай Свиридова про свою овечку пищит.

- погоди, послушай меня. Клоны уже есть. Я сам из клона.

- Что это?

- Берут клетки донора, отца, и выращивают их в пробирках. Сколько смогут, столько и выращивают. Я знаю, что сначала нас было двадцать семь. Девять забраковали - процент ненормальности очень велик. Восемнадцать осталось. Нас было восемнадцать, и мы были одним клоном, то есть абсолютно одинаковые! Правда, абсолютного ничего нет, но ты бы нас не различила.

Вдруг она захихикала, лицо сразу ожило, стало таким милым и лукавым.

- Вас в одинаковых колясочках возили, - сказала она.

- Нет, - ответил я. - Мы сразу родились взрослыми. Два года назад. Мы родились в том возрасте, в каком был наш донор, наш отец. Ему было восемнадцать, и его никто не знает.

- И вы ничего не знали?

- В следующий раз объясню, - пообещал я. - кое-что знали, кое-чему нас учили. Мы - часть большой научной программы.

- А где Долли?

- Если заболел очень большой, знаменитый человек или очень нужный нашей стране, то мы приходим на помощь. Мы... отдаем свою печень, сердце, глаза, чтобы спасти человека.

- Но ведь так погибнуть можно!

- Нас было восемнадцать, а осталось десять.

- Это ужасно!

- Были такие стихи поэта Тихонова: «Не все ли равно, сказал он, где. Пожалуй, спокойней лежать в воде».

- Ты смеешься, да?

- Какой уж тут смех. В соседней палате лежит маршал, летчик, великий человек. Лешенька из

нашего клона отдал ему свою печень.

- Да точно врешь!

И я подумал - вот она встанет, захочет проверить, пойдет в соседнюю палату, а там совсем другой, коммерческий пациент. Но она же не пойдет.

- И еще есть другой клон, женский. Там есть девушка, которую я люблю. Она должна завтра отдать тебе свое сердце.

- Помолчи ты со своими глупостями! А то я кричать буду.

- Почему?

- Потому что ты нарочно меня пугаешь. Тебе деньги нужны?

- Ты не веришь?

- Так я тебе и поверила!

- Ты откажешься от операции?

- Никогда не откажусь! Врешь ты все.

- Мою девушку зовут Дашей. Она на тебя немножко похожа. Только не умеет петь. А может, просто не училась петь.

- Так не бывает, - сказала Травиата.

Да какая она Травиата - точно, Лариса.

- Почему?

- Потому что их всех давно бы посадили.

- Лариса, - сказал я. - Об этом же не пишут в газетах. Об этом вообще не говорят. Этого нет. И меня нет.

- А у тебя паспорт есть? - спросила Лариса.

- Он лежит в отделе безопасности Института, - сказал я. - Мне так говорили.

- Никто никогда не станет убивать человека.

- А для меня в этом не было ничего удивительного. Я только недавно подумал, что это неправильно. Нас так научили, что человек должен уметь жертвовать собой ради народа, ради родины. Ты знаешь об Александре Матросове, о Гастелло?

- Я знаю про японские харакири, - вдруг сказала Лариса.

- Ничего общего. У нас высокая цель. Я был в этом уверен, но сейчас уже не так уверен. Даже не из-за себя. А потому что моя Даша и ты - вы ничем не отличаетесь. Только ты свое уже пожила, и в «Мерседесе» каталась, и коттедж построила, а Дашка ничего не видела, но очень хочет выйти замуж и родить ребеночка.

- Ой, я тоже хочу ребеночка, - тихо сказала Травиата. - Только мне нельзя. - Она коснулась длинными тонкими пальцами груди слева, показывая, что виновато больное сердце.

- Ты откажешься от операции!

- Не говори глупостей, Ваня, - сказала она. - Ты псих, но должен понимать, никто меня слушать не будет. Они сделают, как надо, даже если бы ты не придумывал, а в самом деле такая фабрика работала, чтобы из людей людей делать. Они же в этом никогда не признаются.

- Тогда уходи, - сказал я.

- Как так - уходи?

- Вставай и уходи.

- Мне нельзя вставать, я умру.

Ну почему я заранее все не продумал? Я решил было, что расскажу правду Травиате, она поймет и уйдет из Института. И Дашку не тронут.

- Но что мне делать? - взмолился я.

- Пускай Даша твоя уходит!

- Она не уйдет. Она мне, как и ты, не поверит.

- Это все твои фантазии. Нет никакой Даши...

- Откажись, а?

- А теперь я и не подумаю. Мне жить хочется, а ты все врешь.

- И пускай Даша умрет?

На мониторе ее сердце билось, как азбука Морзе - часто и мелко...

- А если бы была, - произнесла Травиата с трудом. - Ой, как больно! Если бы была, я бы все равно согласилась. Я - великая певица, меня вся страна любит, а твоя Даша - искусственная овечка, которую и сделали специально для того, чтоб использовать...

Не знаю, что меня подняло с табуретки, на которой я сидел.

- Нет, - прошипел я, сам не слыша своих слов, - ты этого не сделаешь!

Я рванулся к ней, чтобы убить. Не верите? Я сам теперь не верю, но я хотел только одного - убить ее, чтобы спасти Дашку.

- Ой, как больно! - Она вяло отбивалась, а я отбросил ее руки, чтобы дотянуться до горла.

- Доктора... спаси...

Я клянусь, что не дотронулся до ее шеи.

Но она, видно, думала, что дотронулся.

Она затрепетала, мелко, с хрипом, и мне стало страшно, как будто я ее убил.

Все еще склоняясь над ней, я обернулся к монитору.

Его пересекала прямая линия, как граница моря.

Рот Ларисы был полуоткрыт, и глаза неподвижно смотрели на меня.

И тогда я понял, что убил ее.

Ее сердце было таким слабым, что ему хватило испуга.

Я кинулся бежать из палаты.

Через секунду пойдет сигнал с центрального пульта.

Я побежал в другую сторону, к нашему отделению.

Мимо операционных и палат.

И когда меня схватили охранники на входе в наше отделение, я уже пришел в себя настолько, что сообразил: Даша спасена. Сегодня спасена. Некому отдать ее сердце.

Меня там, в палате, не было. Умру, но не сознаюсь. Ведь Травиата умерла сама по себе.

Значит, мне повезло?

Меня били, толкали, и какой-то из них все повторял, что мне не жить на свете.

Они втолкнули меня в бельевую.

Там уже собрались все наши. Весь клон.

Избитые, в наручниках, некоторые в крови.

- Нас убьют? - спросил Рыжий Барбос у охранников.

- А ты как думал? - сказал полковник, который стоял в дверях за спинами своих подручных. Дверь захлопнулась.

- Ох мы и дрались! - радостно сообщил Костик.

Слепой Кузьма сказал:

- Я палку о кого-то сломал.

Они говорили все вместе, им так хотелось похвастаться своим новым бойцовским статусом. Они не понимали, что нас в самом деле лучше убить. Нужен несчастный случай - пожар или пищевое отравление. Но чтобы мы исчезли. Я хотел сказать, что мы должны дорого отдать свою жизнь. Так говорится в кино.

Но дверь открылась - и трех минут ведь не прошло с начала моего заточения.

Там стоял доктор Блох.

Пьяный, но не настолько пьяный, как утром.

- Выходи, узники тела и совести, - загадочно заявил он.

Мы вышли, но осторожно, как выходит к кормушке битая псина.

- Вам все равно не поверят, но жить будете.

Из кабинета Григория Сергеевича вынесли носилки. Носилки были покрыты простыней, и головы не видно.

- Как так? - спросил Костик.

- Цианистый калий, - пояснил Блох.

- А можно в женское отделение? - спросил я.

- И не мечтай. Ты далеко не уйдешь. Тебя перехватят. И могут убить.

- При попытке к бегству, - глупо засмеялся Костик. Но я не обиделся. Костик был напуган.

- Я надеюсь, - сказал Блох, - что о девушках позаботятся.

Он приложил указательный палец к губам, словно мы играли в прятки.

На черной лестнице, куда он выпустил нас, открыв дверь своим ключом, никто не встретился. Мы помогли спуститься тем, кому было трудно.

- Держитесь вместе, - сказал Блох.

Калитка в тихий переулок, зажатый между высокими глухими заборами, была не заперта.

- Уходите. Вот деньги, - сказал Блох. - На первое время хватит.

Блох захлопнул калитку.

Мы остались одни.